

Н. В. Веселкова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург*

**«Ничего другого сказать не мог»?
Встреча И. Г. Эренбурга со свердловским партактивом
16 октября 1932 года**

Осенью 1932 г. И. Эренбург совершил поездку на Кузнецкстрой, посетив по пути еще несколько городов, включая Свердловск. До сих пор по материалам свердловской прессы и воспоминаниям прослеживалась только встреча Эренбурга с творческой интеллигенцией. Сохранившаяся в фонде Свердловского обкома КПСС (тогда – ВКП(б)) стенограмма свидетельствует еще об одном мероприятии, когда Илья Григорьевич общался с партактивом. Статья представляет собой развернутый комментарий к этому впервые публикуемому документу. Многие темы, затронутые на свердловской встрече, являются сквозными для поездки Эренбурга по СССР в 1932 г. и в целом его творчества начала 1930-х гг. Среди них: возможность литературы активно влиять на жизнь, что раскрывается Эренбургом на примере главы «Республика трудящихся» из его недавней книги «Испания», положение советской культуры на фоне европейской, прежде всего французской и русской, эмигрантской литературы. Особое значение писатель придает горгуловскому делу, благодаря освещению которого он стал сотрудничать с «Известиями», по чьей командировке и состоялась тогда поездка по городам Сибири и Урала.

Ключевые слова: Эренбург, «День второй», Урало-Кузбасс, Свердловск, Пастернак, русская эмиграция, горгуловское дело.

«Горький в России ничего другого сказать не мог», – в 1931 г. писал Г. Адамович в парижских «Последних новостях» по поводу нелестного мнения, высказанного М. Горьким об эмигрантской литературе [Адамович, 2002, с. 42]. Мог ли Эренбург в 1932 г. говорить иначе? Какими способами достигалась внешняя приемлемость его риторики и что находилось «внутри»? Это только одно из направлений, по которым можно ставить вопросы к встрече Ильи Эренбурга со свердловским партактивом, стенограмма которого сохранилась в фонде Свердловского обкома КПСС ¹ и приводится далее.

¹ Центр документации общественных организаций свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 205. Далее ссылки на стенограмму приводятся только с указанием листов этого дела.

Веселкова Наталья Вадимовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия, vesselkova@yandex.ru)

В августе 1932 г. после шестилетнего перерыва «вполне парижский Эренбург»² приезжает в Советский Союз, чтобы в конце сентября по заданию «Известий» отправиться на Кузнецкстрой. На обратном пути посещает Томск, Новосибирск и – «из жадности», как сообщал друзьям с дороги, – Свердловск [Эренбург, 2004, т. 2, с. 54]. На каждый город приходилось по несколько дней, так что вся поездка заняла менее месяца [Фрезинский, 2013, с. 164–168; Попов, Фрезинский, 2001, с. 26–32]. По впечатлениям совершенного «круиза»³ Эренбург написал «День второй» – как принято считать, свой первый советский роман, в который вошли и томские, и новосибирские сюжеты, а один из героев, Колька, отправляется на Кузнецкую стройку именно из Свердловска.

В уральской столице Илья Григорьевич пробыл с 15 по 18 октября, посещая, как и в других городах по пути следования, старые районы (Верх-Исетский завод) и новые – Уралмашинстрой и Втузстрой⁴, общался со студентами, представителями литературной общественности и партийцами. Если о датах и «программе пребывания» приходится судить по заметкам в местной прессе и позднейшим воспоминаниям «из вторых рук» [Приезд..., 1932], то о собрании партактива свидетельствует «непрокорректированная»⁵ стенограмма (рис. 1). Это единственный свердловский источник такого рода; стоит проследить, каким образом он коррелирует с другими документами той поездки и общей ситуацией 1932 г.

Урало-Кузбасс с его стройками в начале 1930-х активно осваивался творческим сословием, главным образом, по инициативе сверху. Путешествовать удобнее летом: с начала июня 1932 г. Свердловск посещает Ефим Зозуля, «на продолжительную творческую работу», как предполагалось, прибыл Борис Пастернак [К приезду..., 1932]. В июле через столицу Уралобласти проехала группа зарубежных писателей, из которых наиболее известен Луи Арагон, но были также Эльза Триоле, Александр Барта, Ласт Иеф и Алекс Платнер⁶. «Литературная газета» (ЛГ) уже 29 июля помещает пространный материал Арагона с фотографией автора и рисунком американского художника В. Гроппер⁷ «Кризис, голод...»

² По выражению Л. Ф. Кациса, относящемуся еще к 1920-м годам [Кацис, 2000, с. 487].

³ Е. Замятин, лишь в ноябре 1931 г. после долгих хлопот выехавший в Европу, иронизировал, что Эренбург «едет в двухмесячный отпуск в Москву и на Урал: всякому своя Ривьера» (цит. по: [Фрезинский, 2013, с. 165]).

⁴ Втузстрой – ведущее с конца 1920-х гг. строительство научно-исследовательских и учебных заведений, в том числе главный корпус нынешнего Уральского федерального университета. В результате возник район высших технических учебных заведений – Втузгородок, своего рода предшественник новосибирского Академгородка, только меньших размеров и примыкающий к центру города. Сразу после отъезда Эренбурга заведующий сектором художественной литературы и искусства культпропотдела Уралобкома ВКП(б) Михаил Бродский, докладывая I пленуму Оргкомитета Союза советских писателей (Москва, 29.10.–3.11.1932) о «культурном подъеме» на Урале, отметил, что «в этом году в Свердловске создан Втузгородок, пока на 30.000 человек» [Стать на уровень..., 1932].

⁵ Такая помета содержится сверху первого листа (см. рис. 1), между тем в текст от руки внесены исправления уточняющего характера, хотя и далеко не везде, где они требуются, так что остались пропуски, несвязные формулировки и грамматические ошибки.

⁶ Хроника литературной жизни Свердловска и области 1930-х гг. [2009] фиксирует приезд «бригады иностранных писателей» в Свердловск 17 июля, не упоминая, однако, Э. Триоле. Об ее участии вообще говорится мало, должно быть, в Триоле видели просто жену Л. Арагона, так же как в других случаях – сестру Л. Брик [Вульф, Чеботарь, 2010]. Между тем литературовед А. А. Шмаков находит ее роль весьма значительной [Шмаков, 1980, с. 50, 57].

⁷ Вильям (Уильям) Гроппер и Луи Арагон пересекались еще в ноябре 1930 г. на Международной конференции революционных писателей в Харькове. На свердловском собра-

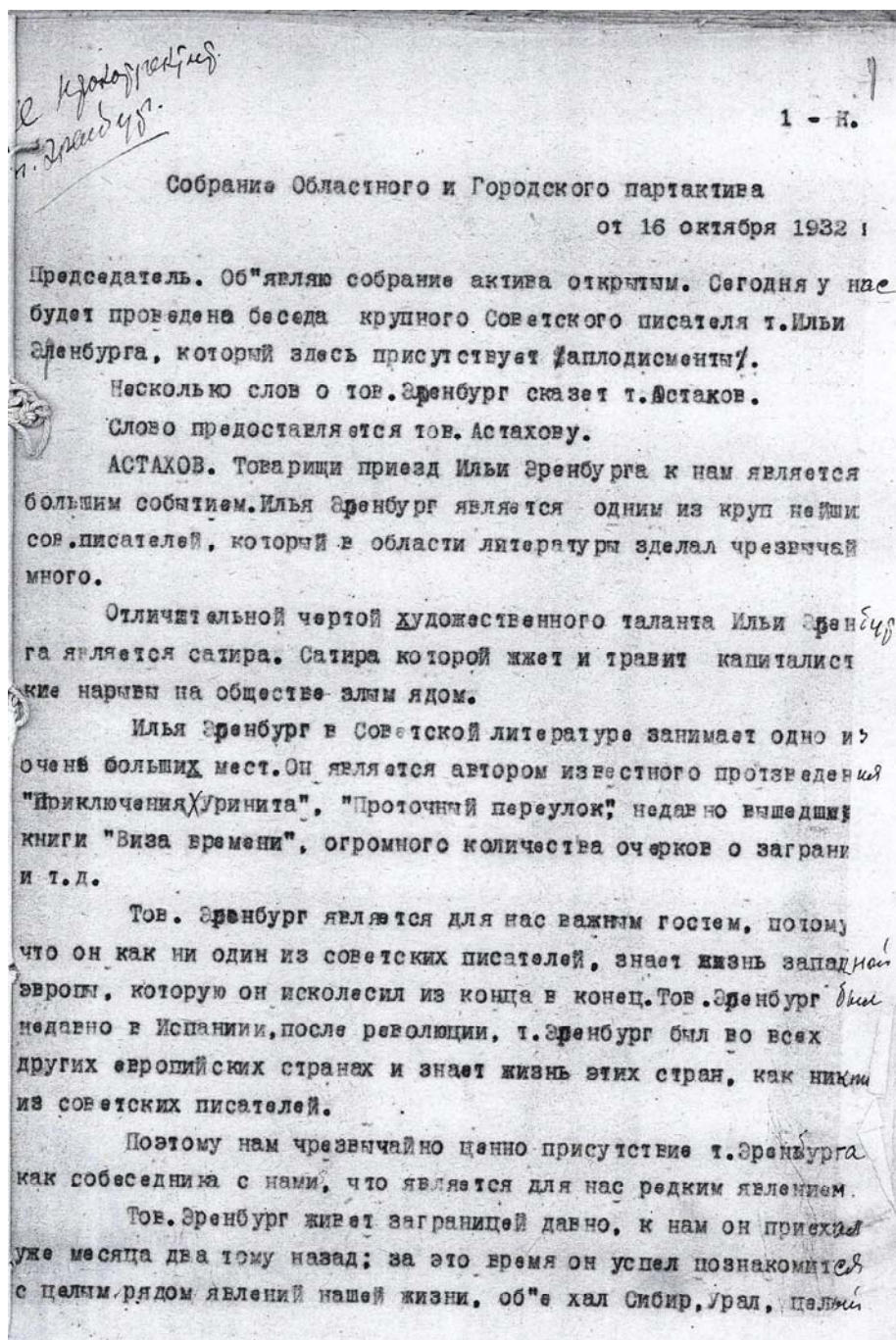

Рис. 1. Первый лист стенограммы с пометой «не прокорректир. т. Эренбург»

Fig. 1. The first transcript sheet marked "not correct[ed]. c[on]rade Ehrenburg"

нии Эренбурга спрашивают о международном объединении революционных писателей (Л. 16).

об упадке капиталистического мира, тогда как Свердловск под пером французского поэта бурлит и строится. Арагон воспекает «изумительные» склады строительных материалов, весь город как «необозримый остров построек, где обрабатывают и обтесывают каменные глыбы» [Арагон, 1932]. Пастернаку, напротив, «гомерическая пыль» Свердловска, «все время перемасиваемого и искovyренно-го многочисленными стройками», тем июлем никак не дает настроиться на рабочий лад, делая восприятие бесплодно-болезненным⁸. В начале сентября пару дней, по пути в Надеждинск, в Свердловске пробыл Муса Джалиль [Рафиков, 2006, с. 52–53].

Таким образом, люди искусства здесь бывали, но больше транзитом и явно не сомасштабно, по мнению руководителей и идеологов, той значительной роли, которую приобретал Урало-Кузбасс как вторая угольно-металлургическая база страны. Об этом ясно говорит ЛГ, выпуск которой от 11 сентября 1932 г. наполовину посвящен Уралу. Передовая взывает к «действенной помощи литературному движению» со стороны «советских писателей Москвы и Ленинграда», внушая, что «Урал открывает громадные творческие возможности», и упрекая в неисполнении обещаний [Социалистическому Уралу..., 1932].

Речь идет о недавнем обращении, в котором «писатели, поэты, композиторы, художники и актеры» провозглашали «решительный поворот к урало-кузбасской проблеме и в первую очередь к Уралу», обещая «конкретную творческую помощь» [Приезд крупнейших писателей..., 1932]. Текст был опубликован в уральской молодежной газете «На смену!» в июне 1932 г., как раз рядом с заметкой о прибытии Пастернака. Другие деятели искусств, которых так ждали в Свердловске, отнюдь сюда не торопились, поэтому в сентябре «Урал напоминает» (впечатляюще выполненная шапка третьей, полностью «уральской» полосы ЛГ) уже в более резких выражениях: «Пора платить!» [Соболев, 1932]. Да и Пастернак, главная удача местного руководства, к тому моменту уже «удрал с Урала без задних ног» [Пастернак, 2010, с. 280] (на страницах сентябрьской ЛГ, по жестокой иронии, он продолжает показательно трудиться на Урале).

Вот на каком фоне в октябре 1932 г. Эренбург оказался в Свердловске (вслед за ним в ноябре на несколько недель придет Л. Сейфуллина, в декабре – Я. Смеляков [Хроника..., 2009]). Помимо достаточного или нет внимания писателей, следует сказать и о социально-экономической обстановке. Эшелоны раскулаченных шли на восток и летом 1931 г., когда Пастернак участвовал в бригадной поездке в Магнитогорск и Челябинск, что не отвратило его, однако, от нового посещения Урала год спустя. В этот раз голодные люди встречались не только на вокзале, но и подходили к самому окну дачи, куда определили Пастернака с семьей. По воспоминаниям Зинаиды Пастернак, они с Борисом Леонидовичем стали выносить из обкомовской столовой, где «прекрасно кормили и подавали горячие пирожные и черную икру», «в карманах хлеб для бедствующих крестьян» [Пастернак, 2010, с. 280, 278].

На вторую половину 1932 – начало 1933 г. приходится пик голода, охватившего страну в 1929–1934 гг. В сельскохозяйственных областях, включая южный Урал, голод стал смертным [Козлов, 2011]. Продовольствие направлялось в промышленные регионы (города и крупные стройки), куда в поисках пропитания и устремились все, кто мог вырваться из голодных мест. Именно к этим обстоятельствам относится заданный свердловскими партийцами вопрос о нищенстве

⁸ Вероятно, из-за пыли «расхворалась легкими» возлюбленная спутница Пастернака, месяц не решался вопрос с шарташской дачей – все это, вкуче с беспокойством за оставленную первую семью, наложилось на увиденное в Свердловске [«Существованья ткань сквозная...», 1998, с. 368–369].

за границей и в СССР; вызванный им смех, должно быть, звучал очень нервно. Эренбург пускается в бесстрастные рассуждения о видах нищенства, упомянув все же, что немало людей, в том числе и на вокзале, просили у него денег. Чтобы оценить значимость его заключительной ремарки: «можно ли получить за деньги хлеб» (л. 12), снова обратимся к Пастернаку. Когда тот передал в окно своей дачи под Свердловском кусок хлеба, крестьянка положила десять рублей, Борису Леонидовичу пришлось бежать за ней, чтобы вернуть [Пастернак, 2010, с. 278]. Этот эпизод хорошо показывает, что в 1932 г. деньги совсем не гарантировали доступа к самому необходимому. Сказанное справедливо в отношении как питания, так и санитарии и гигиены: те же 1932–1933 гг., особенно на крупных стройках, отмечены эпидемиями тифа. От сыпняка в тифозной больнице будут умирать и строители эренбургова «Дня второго» [Эренбург, 1964, с. 156], а «густые орды» вшей, блох, клопов и тараканов встречают читателя с первой страницы романа.

Собрание начинается

И вот исполненный впечатлений о Кузнецкстрое, Томске и Новосибирске⁹, Илья Эренбург прибывает в Свердловск. С кем именно он общается на спешно созванном собрании партактива? Из 500–600 участников, если верить стенограмме (л. 42), названы только двое – Астахов и Тубанов, один из них сопровождал Эренбурга уже в первый день приезда. Председательствовал на вечере 16 октября 1932 г. заведующий культпропотделом Свердловского Горкома ВКП(б) Семен Иванович Тубанов (1887–1941). В 1933 г. он возглавит Обллит и проработает в этой должности до 1938 г., когда последуют кратковременное исключение из партии и переход на работу в Антирелигиозный музей. За плечами Тубанова – участие в империалистической войне, в должности писаря он побывал в Венгрии и Румынии, затем – в Гражданской войне и подавлении кулацких восстаний, партийная работа¹⁰.

Иван Борисович Астахов (1906–1970) много моложе, в силу возраста у него таких «заслуг» нет, зато образование весомее. Если Тубанов закончил 2-классное училище и курсы марксизма-ленинизма, то Астахов – литературное отделение Педагогического факультета 2-го МГУ, затем Институт литературы, искусства и языка (ЛИЯ) в составе Института Красной профессуры (ИКП) по специальности «литературовед». Оба выходцы из деревни (один – Калужской, другой – Архангельской губернии), на рубеже 1920–1930-х учились в столице, Астахов параллельно с ИКП успел поработать преподавателем и завкафедрой литературы в Академии коммунистического воспитания им. Крупской. В Свердловске он заведует кафедрой литературы Пединститута (1932–1937), с 1933 г. сотрудничает в Институте марксизма-ленинизма, в 1934 г. в составе большой областной группы будет участвовать в I Съезде советских писателей, а в 1937 г. на короткий срок возглавит свердловское отделение ССП¹¹. В 1932 г. Астахов значится среди преподавателей недавно открывшихся в Свердловске литературных курсов, предполагавших «изучение социологии искусства, теории и практики литературы, вопросов литдвижения и т. д.» [Хроника..., 2009]. Вступительная речь на встрече с Эренбургом, можно сказать, открывает череду его многочисленных выступлений на мероприятиях и в печати в свердловский период.

⁹ «Голова моя забита до отказа», – писал Илья Георгиевич друзьям по дороге в Свердловск [Эренбург, 2004, т. 2, с. 54].

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 28. Д. 2353. Л. 1 об., Ф. 161. Оп. 9. Д. 1911. Л. 3; [Дианов, 2011а, с. 130–133; 2011б].

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 107. Л. 72, 74 – 74 об.; Ф. 161. Оп. 14. Д. 56. Л. 5 – 5 об.

Таким образом, если Тубанов ведет собрание как партийный чиновник, то Астахов выступает как причастный к литературному движению профессионал (вскоре его фамилия будет употребляться с почетной приставкой «профессор Астахов»). Любопытно, что оба они очутились в Свердловске по направлению ЦК ВКП(б) совсем незадолго до Эренбурга: Тубанов – в июле 1932 г. по окончании курсов марксизма-ленинизма при ЦК партии, Астахов – примерно тогда же, после Института красной профессуры. Встречавшие гостя хозяева, получается, сами были приезжими и вряд ли многое могли поведать о городе и крае. Подобное совпадение траекторий новоприбывших выражает, с одной стороны, высокую мобильность эпохи, а с другой – несамодостаточность Урала. В 1932 г. еще не разукрупненная могущественная Уралобласть жестоко нуждалась не только в приезжих литераторах и художниках, но и в привлеченных управленцах от культуры.

О чем говорил Эренбург: сквозные темы

Сопоставление свердловской стенограммы с газетной хроникой поездки 1932 г. показывает, что писатель путешествовал примерно с одинаковым набором тем – или, скорее, его повсюду спрашивали об одном и том же.

Драматургия свердловской встречи такова: открывают и закрывают ее официальные лица, Астахов и Тубанов, короткие выступления которых весьма показательны. Далее Илья Григорьевич читает отрывки из своих новых книг «Хлеб наш насущный» и «Москва слезам не верит»¹² (их обсуждения, судя по стенограмме, не последовало). Публикацию этих произведений в советских журналах автор анонсировал еще в августе 1932 г., сразу по приезде в СССР [Опустошенность..., 1932]. Тогда ЛГ зафиксировала только скупую характеристику «Хлеба...» как «хроники наших дней», стенограмма же раскрывает, насколько важными и инновационными представлялись Эренбургу его поиски: «...ощущая кризис формы романа, я попробовал создать новую форму литературы, которая является романизацией фактического материала» (л. 3–4). Плодами исканий начиная с 1929 г. стали «10 Л. С.» и «Фабрика снов», упомянутые на собрании вместе с «Хлебом...» (л. 4)¹³. Амбициозная претензия на изобретение новой формы показывает, на наш взгляд, глубокую причастность Эренбурга к актуальным литературным течениям (в этом смысле права Е. Берар, отказавшая ему в оригинальности), но одновременно свидетельствует и об оторванности «русского парижанина» от советских литературно-политических баталий, объединений и размежеваний¹⁴.

¹² Роман «Москва слезам не верит» впервые увидел свет в летних номерах журнала «Красная новь» за 1932 г. (№ 7, 8), «Хлеб наш насущный» в начале сентября отрывками печатался газетой «Вечерняя Москва», полностью появился в сентябрьском № 9 «Нового мира» за 1932 г.; отдельными изданиями вышли в 1933 г. [Попов, Фрезинский, 2001, с. 15, 19–21, 26].

¹³ Позднее все три произведения выйдут под одной обложкой – Эренбург И. Хроника наших дней. М.: Советский писатель, 1935. Замысел книги об автомобиле, воплощенный в «10 Л. С.» в 1929 г., вынашивался с 1928 г., Эренбург сообщал своим адресатам в письмах, как надоел ему (традиционный) роман, а новая вещь будет «без сюжета и без выдуманного», наподобие «кинохроники нашего времени» (В. Г. Лидину 21.11.1928, Н. Н. Никитину 21.11.1928, Е. И. Замятину 03.03.1929 [Эренбург, 2004, т. 1, с. 577, 578, 584]).

¹⁴ Ева Берар говорит о неоригинальности замысла Эренбурга, указывая, со ссылкой на Ж.-П. Мореля, на известность жанра «документальной прозы» западных писателей Э. Синклера, П. Ампа и Дж. Дос Пассоса, а также идеи «литературы факта», «биографии вещи» лефовца Сергея Третьякова [Берар, 2009, с. 99].

Чтение отрывков заменило ожидаемый сборником доклад, после чего взаимодействие строится в виде ответов на письменно заданные вопросы «о жизни запада» (л. 3), гость подыгрывал отведенной ему роли знатока зарубежья¹⁵. Были вопросы и о нем самом, его предпочтении жить за границей и оценке происходящего в СССР, которые гостя изрядно нервировали. Кульминацией служит «горгуловское дело», а под занавес преподносится еще одна, дорогая на тот момент Эренбургу, история об Испании.

Дело в том, что в 1931 г. после революции (установления республиканского правительства) в **Испании** Эренбург полтора месяца колесил по стране [Фрезинский, 2013, с. 822–825]. Во вскоре вышедшей книге он описал среди прочего бедственное положение крестьян, которые голодали, живя рядом с озером, полным форели, – собственностью мадридской синьоры [Эренбург, 1932е, гл. 6]. Когда бедным людям прочли эту главу и они собрались жечь дома администрации, «из Мадрида срочной телеграммой распорядились: отдать озеро крестьянам» – предмет гордости писателя: литература оказала «прямое и непосредственное воздействие на жизнь», в формулировке августовской ЛГ [Опустошенность..., 1932]. Стенограмма передает данный эпизод довольно путано, так что параллельное чтение газеты тут особенно уместно. Многочисленные пропуски, пометки «не слышно» могут быть обусловлены усталостью, шумом в конце мероприятия, которое началось в восемь вечера, а заканчивалось, должно быть, около десяти. Возможно, и сама история если еще не приелась автору, то не находила адекватного отклика в аудитории, а потому излагалась невнятно. Зато проявление легендарной язвительности Эренбурга запечатлено прекрасно: рассказывая о том, как книга помогала испанским крестьянам, он от души проехался по поводу записки «что болтаете нам ерунду» (л. 41).

Остальные сквозные темы представлены более отчетливо. Отвечая на вопрос «Прогрессирует ли **буржуазное искусство** хотя бы частично?» (л. 15–16), Эренбург выдвигает тот же тезис, что и 2,5 месяца назад в Москве, когда он рассказывал, что «французский писатель умеет хорошо писать и не знает, о чем писать.

Чутко внимавший веяниям времени Эренбург был, конечно, не одинок в стремлении к документальности, но работал вполне по-своему. Даже беглое соотнесение «Дня второго» и как будто очень близкого романа-хроники В. Катаева «Время, вперед!» демонстрирует не только общую стержневую ценность фактографии и хроникальности, но и принципиальные различия авторских решений. Одним из ресурсов своеобразия, полагаю, следует считать погруженность Эренбурга в европейскую среду; «русский парижанин» – одно из определений Л. Кациса [2000, с. 550, 562].

Собственно же литература факта понесла урон уже в конце 1929 г. с выходом постановления ЦК ВКП(б) 25.12.1929 «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького», так что просто следовать в фарватере влиятельного до поры направления никак ни получилось бы. В 1932 г. в журнале «Левый поворот» на немецком, в 1933 г. в «Интернациональной литературе» на русском развернулась полемика между Г. Лукачем и Э. Оттвальдом по поводу романа-репортажа; показательно, что авторы, которых Е. Берар противопоставляет Эренбургу как предшественников, фигурируют там в одном ряду. Оттвальд не соглашался с тем, что «роман факта, тот творческий метод, которым пользуются писатели вроде Эптона Синклера, Сергея Третьякова, Эренбурга и др.», по Лукачу, «должен быть отвергнут как формалистический эксперимент» [Оттвальд, 1933, с. 105]. О полемике см.: [Кларк, 2018, с. 107–109], о позиции Лукача: [Там же, с. 193–196 и др.].

¹⁵ По словам литературоведа А. Л. Дымшица, самый образ Эренбурга в тридцатые годы был «окружен своеобразным романтическим ореолом. Писатель часто находился на Западе, участвовал в классовой борьбе в Испании, был свидетелем гражданской войны в Австрии, – обо всем этом повествовали его корреспонденции и публицистически-очерковые книги» [Дымшиц, 1975, с. 55].

С нашим писателем часто происходит обратное. Он совершенно переполнен материалом, но часто совершенно беспомощен перед этим материалом» [Опустошенность..., 1932] ¹⁶. В свердловской стенограмме находим то же противопоставление, однако тут есть и кое-что еще. Упрекая буржуазное искусство в отсутствии серьезной темы, Эренбург нашел все же способ вознести хвалу любимому Парижу: только там существует станковая живопись (л. 15), замечает он словно бы мимоходом. Главной же крамолрой в глазах партийного руководства оказалась формулировка, согласно которой по форме буржуазное искусство прогрессирует, а по содержанию регрессирует – бдительный Тубанов в заключительном слове подчеркнул, что «форму от содержания отрывать нельзя» (л. 43). Надо сказать, Илья Григорьевич совершенно не внял наставлению и развил свою мысль в большой статье для «Известий», написанной уже в Париже в ходе работы над «Днем вторым», в ней немало отсылок к осенней поездке, в том числе про «неизбежные» вопросы о французских писателях «не только в Москве, но и в далекой Сибири» [Эренбург, 1932д] ¹⁷.

Еще один сквозной сюжет – о **русских писателях-эмигрантах** ¹⁸. Первым делом выступающий подчеркивает свою дистанцированность от их круга (л. 19), это его устоявшаяся позиция, несмотря на личное знакомство и многократные пересечения со многими и в России, и за границей. Не умея «жить без Парижа», еще в середине 1920-х Эренбург настаивал, что он «не эмигрант, не белый» и т. п., а эмиграция его хаает «на каждом перекрестке» ¹⁹.

В 1932 г. «русский парижанин» выражал, видимо, единственно возможное для публичных выступлений в Советском Союзе суждение о бесперспективности оторванной от корней литературы зарубежья. Подобное представление, однако, было распространено и среди самой эмиграции. Так, в 1931 г. Георгий Адамович, влиятельный критик, со слов которого начинается эта статья, был уверен, что эмигрантская словесность жива лишь за счет «аккумулятора», заряженного в России и оттуда вывезенного [Адамович, 2002, с. 49]. Из той же серии метафора Марка Слонима о легких, до поры сохранявших воздух родины [Слоним, 2002, с. 116], с той разницей, что, по Слониму, приток кислорода закончился в 1922–1924 гг. для всех, по Адамовичу же, у зрелых писателей «вывезенного» опыта было достаточно. Отмечая «ряд превосходных и просто хороших вещей» в эмигрантской литературе, Владислав Ходасевич в 1933 г. снова констатирует, что «их авторы принесли с собой из России готовый круг образов и идей» [Ходасевич, 2002, с. 345] и не создают нового.

Именно в таком ключе высказывается на свердловском собрании и Эренбург. Он говорит, что уехавшие писатели «пишут скверно» (л. 19), не прибегая к другой

¹⁶ Того же мнения Эренбург будет придерживаться и в 1934 г., уже после выхода «Дня второго», хотя противопоставление западной литературе постепенно теряет радикальность: советские произведения по-прежнему «никак нельзя еще считать совершенными по форме», у западных они выигрывают за счет содержания, в которое, однако, теперь допускаются такие старые темы, как любовь [Е. П., 1934].

¹⁷ Этим текстом («Мысль в отставке») открывается сборник 1934 г. «Затянувшаяся развязка», помещенный там же очерк «Павел Горгулов» в некоторых оборотах и сравнениях обнаруживает сходство со свердловской стенограммой [Эренбург, 1934, с. 5–11, 157–165].

¹⁸ В Москве на встрече в Оргкомитете Союза писателей 5 сентября 1932 г. Эренбург оправдывался, что «плохо отвечает» на записки о французской, русской эмигрантской и советской литературе: «я критикой не занимаюсь и к литературе я никогда профессионально не подхожу» [Попов, Фрезинский, 2001, с. 21].

¹⁹ Из писем Н. С. Тихонову 18.08.1926, Н. И. Бухарину 15.04.1925 [Эренбург 2004, т. 1, с. 500, 423]. Резкость противопоставления («Я не имел никакого отношения к эмиграции») вызвана тем, что Эренбург просит помощи Бухарина в снятии запретов на его публикации.

ругательной лексике, как это будет в публикации ЛГ 1935 г.: «По-прежнему кликушествует Иван Бунин, выпустивший книгу “Окаянные дни”, полную звериной ненависти к советской стране; занимается “белой и черной магией” Мережковский, Куприн имеет отношение к литературе лишь постольку, поскольку он открыл... библиотеку; невероятно опустился Бальмонт: он в полном смысле смахивает на героев “дна” в мхатовской постановке. Пустынно и мертво в закоулках белоземгрантской литературы» [Встречи..., 1935]. В русском зарубежье к 1935 г. по большому счету ничего не изменится, «Окаянные дни», включая «Инонию и Китеж» с нелестным пассажем в адрес Эренбурга²⁰, публиковались в «Возрождении» еще в середине 1920-х, скорее «крепчала» советская культурная политика. Бунина же Илья Григорьевич всегда высоко ценил, ставя его вместе с Горьким на первое место, за ними – Куприна или Андреева [Мкртчян, 1975, с. 240]. Вкупе со спокойным тоном стенограммы все это позволяет предположить, что резкие выражения 1935 г., по крайней мере отчасти, могли быть вложены в уста Эренбурга газетой.

Существовали и противоположные оценки эмигрантской литературы, согласно которым в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. она переживала, как подытожил Г. Струве, несомненный расцвет [Струве, 1996, с. 135]. И прежде всего – за счет творчества тех писателей, о которых на свердловской встрече как раз и говорит Эренбург: И. Бунин (1870–1953), А. Куприн (1870–1938), И. Шмелев (1873–1950), Б. Зайцев (1881–1972). Значимы и сами имена, и порядок их перечисления. То, что это крупнейшие представители реализма (материализма, по Эренбургу), было понятно и в 1932 г., а вот старшее поколение «политической эмиграции первого призыва» в них увидят позднее [Там же, с. 256]. Все четверо существенно старше Эренбурга (Зайцев на 10 лет, остальные – фактически на поколение) и состоялись еще в дореволюционной России. Борис Зайцев, в эмиграции ставший самым последовательным в своем антибольшевизме [Там же, с. 89, 181], поначалу, казалось, и после революции находил свое место на родине. Сохранившаяся афиша петроградского «Дома Искусств» 1921 г. сообщает о его выступлении 7 марта²¹, в 1921–1922 гг. он возглавлял Московское отделение Всероссийского союза писателей. Все четверо были хорошо знакомы друг с другом, Бунины и Зайцевы, Куприн и Шмелев тесно общались.

Бунин вполне закономерно, в логике отношения к нему Эренбурга, назван первым. Через год Нобелевский комитет удостоит Ивана Алексеевича долгожданной премии, хотя не все современники воспримут выбор как столь очевидный: другими претендентами среди русских писателей были Мережковский и Горький, Куприн же считал не менее достойными себя самого и Шмелева²². Сегодня последовательность имен мы можем оценить и по степени их известности советским читателям: если Бунин и особенно вернувшийся в 1937 г. Куприн будут на слуху, то названные после них Шмелев и Зайцев вскоре после отъезда практически исчезнут из литературного пространства СССР.

²⁰ «И московские “рожи”, не довольствуясь тем, что они и от рождения рожи, из кожи вон лезут, чтобы стать рожами сугубыми, архирожками. Посмотрите на всех этих Есениных, Бабелей, Сейфуллиных, Пильняков, Соболей, Ивановых, Эренбургов: ни одна из этих “рож” словечка в простоте не скажет, а все на самом что ни на есть руссешем языке» [Бунин, 1991, с. 140]. В 1935 г. «Окаянные дни» вышли книгой в берлинском собрании сочинений Бунина.

²¹ См.: [Котова, 2011, с. 305], афиша воспроизведена в: [Пильщиков, Устинов, 2018, с. 12].

²² О русских претендентах см., например: [Зайцев, 1999, с. 441], об отношении Куприна: [Фигурнова, 1999, с. 12–13, 729].

В рассказе о «белоэмигрантской» молодежи Эренбург использует сложный термин «денационализируется» (л. 24), единственный такого рода в стенограмме, воспроизводя бытующее в эмиграции словоупотребление (так, о денационализации младшего поколения читателей в те же годы писал Ходасевич [2002, с. 351]).

Горгуловское дело в свердловской стенограмме предстает отдельным и наиболее развернутым сюжетом. 6 мая 1932 г. на открытии парижской благотворительной книжной ярмарки ветеранов Великой войны русский эмигрант П. Горгулов застрелил президента Франции П. Думера. Суд проходил 25–27 июля, преступника гильотинировали.

Эренбургу понадобилось немало настойчивости и везения, чтобы попасть на процесс, репортажи с которого ознаменовали его сотрудничество с «Известиями» в качестве собкорра; официально именно от этого издания спустя полгода он отправится на Кузнецкстрой. Пожалуй, снова права Е. Берар, отмечающая поглощенность писателя парижским инцидентом (она усматривает связь с его рассказом «Бегун» 1922 г., где герой подвержен «эмигрантскому синдрому») [Берар, 2009, с. 103–105]²³.

Горгуловское дело стало одной из важнейших тем выступлений в ходе осеннего визита Эренбурга в СССР, он останавливается на ней и в Москве на вечере в Оргкомитете ССП 5 сентября 1932 г., и в Свердловске на встрече с «писательским активом, литударниками, работниками печати, издательств, театров и пр.» 15 октября 1932 г. [Попов, Фрезинский, 2001, с. 16–17; Илья Эренбург..., 1932], и на следующий день, на застенографированном собрании партактива.

Эренбургу хотелось поделиться наблюдениями, не попавшими в газеты. Вообще, на протяжении всей встречи он мягко, но вполне отчетливо разводит официальный дискурс средств массовой информации и то, что доступно исключительно в опыте и может быть выражено только писателем в художественной форме или, как в данном случае, в живом взаимодействии. Аудитория, однако, не оценила ставку на детали и инсайты из первых рук, поскольку не была знакома с исходной информацией. Реплика с места «не все читали газеты» и просьба рассказать обо всем, независимо от того, что печаталось, а что нет (л. 26), звучат особенно комично после того, как Эренбург только что расписывал, как французский рабочий читает в день «всего» три газеты – мало по сравнению с немецким рабочим (л. 20–21).

Начиная с 7 мая 1932 г., когда появляются первые сообщения о покушении на Думера, и до конца месяца эта тема не сходила с первых полос «Правды», «Известий» и других центральных изданий, порой проходя через весь выпуск, когда разнокалиберные материалы шли на нескольких страницах. Общая идея сводилась к тому, что буржуазные правительства, привечая «белогвардейщину», сами создают питательную почву для агрессивных провокаций, подобных убийству президента. 20 июля всю третью полосу «Известий» занял памфлет Анри Барбюса «Я обвиняю!..», клеймящий французскую буржуазию и ее правительство в том числе посредством преступления Горгулова; вскоре текст вышел отдельной брошюрой стотысячным тиражом [Барбюс, 1932а; 1932б]. Новый всплеск интереса возникает в конце июля в связи с началом судебных заседаний. На фоне материалов ТАСС без подписи автора, которые составляли львиную долю сообщений «Известий», четыре принципиально авторские статьи Эренбурга, с именем и фамилией, набранными крупным курсивом, заметно выделялись [Эренбург, 1932а–г].

²³ Борис Фрезинский, главный специалист по Эренбургу, жестко раскритиковал работу Берар, включая преувеличенную, по его мнению, оценку значимости выстрела Горгулова как прозвучавшего «для Эренбурга громче и страшнее, чем выстрел Маяковского» в 1930 г. [Берар, 2009, с. 103; Фрезинский, 2013, с. 448].

Главная уральская газета «Уральский рабочий» подключается 9 мая 1932 г. и высказывается с той же закономерностью, хотя меньшим числом публикаций. Освещает скандальный инцидент и молодежная пресса – от центральной «Смены» до уральской «На смену!». В кампании участвовали лучшие карикатуристы: в «Правде» – Григорий Розе, Юлий Ганф, Константин Ротов, в «Известиях» и «Красной звезде» – Борис Ефимов²⁴, в «Уральском рабочем» – Андрей Кикин и Геннадий Ляхин и т. д. (рис. 2–5).

Рис. 2. Карикатура Г. Ляхина «Идейный бандит (к процессу Горгулова в Париже)» (Уральский рабочий. 1932. 28 июля. № 169. С. 4).

Fig. 2. G. Lyakhin, caricature “The ideological thug (to the Gorgulov process in Paris)” (Ural'skiy rabochiy [Ural worker], 1932, no. 169 (July 28), p. 4).

Рис. 3. Карикатура Г. Ляхина, высмеивающая попытку выдать Горгулова за агента Коминтерна – «Как делаются в Париже “агенты Коминтерна”» (Уральский рабочий. 1932. 12 мая. № 107. С. 4).

Fig. 3. G. Lyakhin, caricature ridiculing the attempt to present Gorgulov as an agent of the Comintern – “How “the agents of the Comintern” are produced in Paris” (Ural'skiy rabochiy [Ural worker], 1932, no. 107 (May 12), p. 4).

²⁴ Борис Ефимов (Фридлянд) – брат Михаила Кольцова, который писал репортажи с процесса для «Правды». Полгода спустя широко отмечалось десятилетие работы Б. Ефимова – «художника пролетариата, мастера советской политической карикатуры» (так) [Известия, 1932].

Рис. 4. Карикатура К. Ротова «Так заявляют... Так действуют» (Правда. 1932. 18 мая. № 136. С. 1).

Fig. 4. K. Rotov, caricature of «They say this ... They act like this» (Pravda [True], 1932, no. 136 (May 18), p. 1).

Рис. 5. Карикатура Бор. Ефимова «Белогвардейщина в тени – Подсудимый, которого “не замечают”» (Известия. 1932. 28 июля. № 207. С. 1).

Fig. 5. Bor. Efimov, caricature «White Guard in the shadows – the defendant, who is “not noticeable”» (Izvestia [News], 1932, no 207 (July 28), p. 1).

Илья Григорьевич, таким образом, небезосновательно рассчитывал на осведомленность аудитории и фактически попал впросак. Не читавшие газет, какую бы часть собравшихся они ни составляли, не моргнув глазом, громко заявляли об этом, пытаясь установить свои правила игры. Правила, явно далекие от «мировой республики литературы»²⁵: Эренбурга тоже, мягко говоря, не все читали (л. 23–24), машинопись как только ни коверкает имя писателя и его героя Хулио Хуренито²⁶. Думается, дело не только в практиках чтения, их малой распространенности среди партактива, но и в том, что французские события при всем медийном резонансе в СССР не вошли в актуальную повестку на местах (по всей видимости, не прорабатывались на политинформациях и собраниях).

Эренбург же, описывая Горгулова как «типичного рядового эмигранта» (л. 27) и поминая газету «Набат», ничего не говорит о «Возрождении» и другой эмигрантской периодике, которую в связи с разразившимся скандалом на все лады склоняла советская пресса (в том числе «Известия» с репортажами самого Эренбурга). Тем более не протягивает он никакой нити к обсуждавшимся ранее писателям русского зарубежья, притом что все они: Бунин, Куприн, Шмелев, Зайцев – сотрудничали с «Возрождением», и если бы стояла задача сказать про их «звериную злобу», горгуловское дело давало такую возможность.

Таким образом, свердловская стенограмма содержит многие темы, занимавшие Эренбурга в ходе посещения Советского Союза в 1932 г. и, шире, вообще того периода, но раскрывает их по-своему. Есть в ней и целый ворох других моментов, включая те, которые сам писатель предпочел не развивать, в буквальном смысле не тревожить память Хулио Хуренито (л. 18), и они еще ждут своего рассмотрения.

Список литературы

Берар Е. Бурная жизнь Ильи Эренбурга. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Вульф В. Я., Чеботарь С. Эльза Триоле. Коммунистическая муза // Вульф В. Я., Чеботарь С. Великие женщины XX века. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 392–406.

Дианов С. А. Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920–1941 гг.). Пермь: [б. и.], 2011а.

Дианов С. А. Уральская цензура в лицах. Пермь: [б. и.], 2011б.

Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Языки русской культуры, 2000.

Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Козлов В. П. Общая трагедия народов СССР // Голод в СССР, 1929–1934 / Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева). В 3 т. М.: МФД, 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932, кн. 1. С. 5–9.

Котова М. Послесловие // Форш О. Д. Сумасшедший корабль / Предисл. Д. Быкова; послесл. М. Котовой. М.: АСТ, Астрель, 2011. С. 299–316.

²⁵ Выражение П. Казановой, которое К. Кларк использует для анализа литературоцентричности советской культуры начала 1930-х гг., в том числе в связи с деятельностью И. Эренбурга [Казанова, 2003; Кларк, 2018].

²⁶ «Эленбург», «Уренита», «Хуренита», «Хулио-Хуренито» (см. рис. 1) воспроизведены на слух – по всей видимости, машинистка не встречала их в печатном виде.

Пильщиков И., Устинов А. Виктор Шкловский, Роман Якобсон и создание «первой теории сюжетосложения» // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 2. С. 5–24.

Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург в 1932–1935 годы: Хроника жизни и творчества. В 3 т. СПб.: б. и., 2001. Т. 3.

Рафиков М. С. Муса Джалиль и Урал // «Умирая, не умрет герой...» Муса Джалиль и современность: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. «Джалилевские чтения» (Екатеринбург, 10 марта 2006 г.) / Сост. Р. Л. Исаков, Е. К. Созина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 52–54.

Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М.: УМКА-Press, Русский путь, 1996.

Фигурнова О. Четвертая жизнь Куприна [предисловие]; Примечания // Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Лит. портр. Некрологи. Заметки. М.: Согласие, 1999. С. 5–17.

Фрезинский Б. Я. Об Илье Эренбурге (Книги, люди, страны). М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Шмаков А. А. Луи Арагон // Письма из Лозанны: Литературоведческие очерки / Науч. ред. Б. Т. Уткин; рец. Л. Виноградова. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 50–66.

Список источников

Адамович Г. В. О литературе в эмиграции [Последние новости. 1931. 11 июня. № 3732. С. 2] // Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. М.: Олимп, АСТ, 2002. Ч. 2. С. 42–52.

Арагон Л. Кризис буржуазной Франции. СССР – наше отечество // Лит. газета. 1932. 29 июля. № 34. С. 2.

Барбюс А. Я обвиняю!.. // Известия. 1932а. 20 июля № 199. С. 3.

Барбюс А. Я обвиняю. М.: Партиздат, 1932б.

Бунин И. Инония и Китеж // Бунин И. Окаянные дни. Неизвестный Бунин / Сост., предисл. О. Михайлова. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 138–152.

Встречи с Ильей Эренбургом // Лит. газета. 1935. 11 нояб. № 62. С. 6.

Дымищ Ал. Трудная любовь // Воспоминания об Илье Эренбурге / Сост. Г. Белая, Л. Лазарев. М.: Сов. писатель, 1975. С. 54–62.

Е. П. Пятьдесят записок Эренбургу. На читательской конференции в парке культуры и отдыха // Лит. газета. 1934. 28 июня. № 82. С. 4.

Зайцев Б. К. Другая Вера // Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп.): Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. С. 393–468.

Известия. 1932. 22 дек. № 352.

Илья Эренбург в Свердловске // Уральский рабочий. 1932. 17 окт. № 234. С. 4.

К приезду писателя Пастернака в Свердловск // На смену! 1932. 12 июня. № 115. С. 4.

Мкртчян Л. Две встречи // Воспоминания об Илье Эренбурге / Сост. Г. Белая, Л. Лазарев. М.: Сов. писатель, 1975. С. 237–246.

Опустошенность буржуазной литературы. Интерес к произведениям советских писателей возрастает. Беседа с И. Эренбургом // Лит. газета. 1932. 28 авг. № 39. С. 3.

Отвальд Э. Роман факта (Ответ Георгу Лукачу) // Интернациональная литература. 1933. № 1. С. 105–109.

Пастернак З. Н. Воспоминания // Пастернак Б. Л. Второе рождение. М.: Дом-музей Бориса Пастернака, 2010. С. 235–426.

- Приезд Ильи Эренбурга // Свердловский рабочий. 1932. 16 окт. № 13. С. 3.
- Приезд крупнейших писателей, художников, композиторов на Урал // На смелу! 1932. 12 июня. № 115. С. 4.
- Слоним М. Л. Заметки об эмигрантской литературе [Воля России. 1931. № 7/0. С. 616–627] // Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. М.: Олимп, АСТ, 2002. Ч. 2. С. 115–126.
- Соболев Вл. Пора платить! // Лит. газета. 1932. 11 сент. № 41. С. 3.
- Социалистическому Уралу большую литературу! // Лит. газета. 1932. 11 сент. № 41. С. 1.
- Статья на уровень идей эпохи. Выступление на первом всесоюзном расширенном пленуме Союза Советских писателей руководителя Уральской делегации М. Бродского // За Магнитострой литературы. 1932. 15 нояб. № 16. С. 2.
- «Существования ткань сквозная...»: Пастернак Б. Л. Переписка с Евгенией Пастернак (дополненная письмами к Евгению Борисовичу Пастернаку и его воспоминаниями). М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- Ходасевич В. Литература в изгнании [Возрождение. 1933. 27 янв., 4 мая] // Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. М.: Олимп, АСТ, 2002. Ч. 1. С. 339–352.
- Хроника литературной жизни Свердловска и области 1930-х гг. // Хроника литературной жизни Урала XIV – первой половины XX века (Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области) / Отв. ред. Е. К. Созина, М. А. Литовская; УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 4.
- Эренбург И. В Париже начинается слушание дела об убийстве Думера // Известия. 1932а. 26 июля. № 205. С. 1.
- Эренбург И. Кто его вдохновлял и пестовал // Известия. 1932б. 27 июля № 206. С. 2;
- Эренбург И. «Сумасшедшие» белогвардейцы и «таинственные чекисты» // Известия. 1932в. 28 июля. № 207. С. 2.
- Эренбург И. А где тысячи Горгуловых? // Известия. 1932г. 29 июля. № 208. С. 2.
- Эренбург И. Мысль в отставке // Известия. 1932д. 16 дек. № 346. С. 2.
- Эренбург И. Испания. М.: Федерация, 1932е.
- Эренбург И. Затянувшаяся развязка. М.: Сов. писатель, 1934.
- Эренбург И. Г. День второй // Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 9 т. / Комментар. Г. Белой, С. Лубэ. М.: Худож. лит., 1964. Т. 3: Заговор равных. День второй. Стихотворения.
- Эренбург И. Г. Письма, 1908–1967. В 2 т. / Подгот. Б. Я. Фрезинского. М.: Аграф, 2004. Т. 1: «Дай оглянуться...»: письма 1908–1930; 2004. Т. 2: «На цоколе историй...»: письма 1931–1967.

Архивы

Центр документации общественных организаций (Екатеринбург). Ф. 4 – Свердловский областной комитет КПСС, 1917–1991; Ф. 161 – Свердловский городской комитет КПСС, 1932–1991.

**Собрание Областного и Городского партактива
от 16 октября 1932 г.²⁷**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляю собрание актива открытым. Сегодня у нас будет проведена беседа крупного Советского писателя т. Ильи Эренбурга²⁸, который здесь присутствует (Аплодисменты).

Несколько слов о тов. Эренбург скажет т. Астахов.

Слово предоставляется тов. Астахову.

АСТАХОВ. Товарищи, приезд Ильи Эренбурга к нам является большим событием. Илья Эренбург является одним из крупнейших сов. писателей, который в области литературы сделал чрезвычайно много.

Отличительной чертой художественного таланта Ильи Эренбурга является сатира. Сатира, которой жжет и травит капиталистические нарывы на обществе злым языком.

Илья Эренбург в советской литературе занимает одно из очень больших мест. Он является автором известного произведения «Приключения Хуренита²⁹», «Проточный переулок», недавно вышедшей книги «Виза времени», огромного количества очерков о загранице и т. д.

Тов. Эренбург является для нас важным гостем, потому что он<> как ни один из советских писателей, знает жизнь западной Европы, которую он исколесил из конца в конец. Тов. Эренбург был недавно в Испании, после революции, т. Эренбург был во всех других европейских странах и знает жизнь этих стран, как никто из советских писателей.

Поэтому нам чрезвычайно ценно присутствие т. Эренбурга как собеседника с нами, что является для нас редким явлением.

Тов. Эренбург живет за границей давно, к нам приехал уже месяца два тому назад; за это время он успел познакомиться с целым рядом явлений нашей жизни, объехал Сибирь, Урал, целый ряд других местностей, с тем, чтобы<> накопить новый материал, создавать новые художественные произведения.

Об Илье Эренбурге знает вся Европа. Илья Эренбург был нашим корреспондентом во время горгуловского процесса. Его корреспонденции были характерны именно тем, что они в очень ядовитой специфической форме вскрывали комедию буржуазного суда над белогвардейцами.

Сегодня тов. Эренбург с нами поделится своими впечатлениями, мы уже имели возможность вчера на писательском собрании слышать ряд замечаний по этому поводу. Характерно то, что тов. Эренбург проник не только во внешнее явление, но в самую суть того процесса, который проходил, он умеет изобразить этот процесс из капиталистического мира, как мира живого, умеет вскрыть психологию и вместе с тем отметить те язвы, которыми капитализм покрывается с ног до головы. Надо думать, что в результате поездки по СССР тов. Эренбурга появятся новые произведения, которыми будет укреплена связь с нами, которые дадут новый творческий подъем и вместе с тем эти произведения будут новым орудием в борьбе против травли, которую ведут капиталистические страны, и в этом отношении перо Эренбурга – исключительно сильное орудие, я думаю, выражу Ваше общее мнение, если скажу, что связь творческая и политическая

²⁷ В верхнем левом углу надпись от руки: «не прокорректир. Т. Эренбург.» Далее сделанные от руки вставки выделены в тексте курсивом.

²⁸ В оригинале: «Эленбурга», исправлено от руки.

²⁹ В оригинале: «Уренита», исправлено от руки.

наша с товарищем Эренбургом крепнет, пусть это будет залогом нового творчества и нового социалистического энтузиазма (Аплодисменты).

ТУБАНОВ. Слово предоставляется тов. Эренбург (Бурные аплодисменты).

ЭРЕНБУРГ. Товарищи, доклада я читать не буду, ничего связного не расскажу, а расскажу два отрывка из моих новых произведений, а потом в письменной форме Вы зададите вопросы, касающиеся жизни запада, и я отвечу. Я прочту два отрывка из совершенно двух различных по роду произведений. Несколько лет тому назад, ощущая кризис формы романа, я попробовал создать новую форму литературы, которая является романизацией фактического материала. Я написал 3 книги, первая была посвящена автомобилю, связанная с его рождением в борьбе за нефть и каучук, эта книга была написана под названием «10 лошадиных сил», вторая книга ф-ка снопов³⁰, связанная с химической промышленностью, 3-я книга «Хлеб наш насущный», посвященная пшенице, которая еще нигде не напечатана, из нее я вам прочту первый отрывок (Читает).

...Зачитаю 2-й отрывок из совершенно другой вещи, из романа «Москва слезам не верит». Считаю необходимым оговорить, т. к. знание языка у нас несколько заколебалось, что русская поговорка никакого отношения к Москве не имеет. Действие романа происходит в Париже.

В том маленьком куске, который я прочту, фигурирует: русский помещик, занимающийся живописью, рассуждает о некоторых доступных вещах.

Здесь упоминается г-жа Монбар, хозяин гостиницы мебелишки, действие происходит во время кризиса в Париже. Дочь фотографа, которая живет в той же гостинице (Читает) (Апл.<одисменты>).

ПРЕДСЕД. Товарищи, пишите записки и подавайте тов. Эренбургу.

<ЭРЕНБУРГ.> Товарищи, я получил такую записку, прислали приглашительный билет, имейте в виду, что приглашительный билет я прочел *сейчас*, а Вы несколько *раньше*. До прихода в это помещение я о докладе не знал.

Между прочим<,> отвечаю на вопрос: «Знает ли буржуазная Европа *советских* писателей?», я задаю вопрос: «Советский Союз знает ли их хорошо?», т. к. в приглашительном билете моя фамилия написана не Эренбург, а Оренбург, а в одной записке моя фамилия выведена Гинденбург³¹, почему вы хотите, чтобы буржуазная Европа знала Советских писателей, когда их не знает Советский Союз.

Перехожу к ответам на вопросы, буду вопросы читать и отвечать, т. к. есть, кроме отдельных вопросов, которые касаются Гоголовского дела, я их буду группировать, потому, что много вопросов связаны с этим делом.

– Тов. Эренбург, расскажите, как живут рабочие безработные в Париже?

<ЭРЕНБУРГ.> Я не понимаю, нужно ли поставить между «рабочим» и «безработным» в данном случае тире или запятую; т. е. «как живут рабочие и безработные» или же, «как живут рабочие – безработные».

Безработных во Франции 210 тыс. чел. получают государственное пособие.

Определить точно не зарегистрированных рабочих трудно, одни указывают цифру 40 тыс., другие говорят, что она доходит до 100 тыс.

Число безработных во Франции низкое. Объяснялось это тем, что там значительно меньше кризис, чем в других странах Европы. Затем было много иностранных рабочих, которых в начале кризиса выпроводили из Франции.

Как живет безработный, получающий пособие? Он живет в той же квартире, в которой жил и раньше, его обед значительно скромнее, не отказывая себе в хле-

³⁰ Так в оригинале. Имеется в виду книга: *Эренбург И. Фабрика снов: Хроника нашего времени*. Берлин: Петрополис, 1931.

³¹ В оригинале: «Финтенбург», исправлено.

бе и в вине, он себе отказывает в мясе. Он не покупает себе сейчас одежды, штопает и чинит то, что имелось до кризиса. Что касается неполучающих пособие (тех от 40 до 100 тыс.) – точную цифру трудно сказать, – но они живут жизнью голодных и нищих.

– Тов. Эренбург, скажите, как вы могли симпатизировать своему “рвачу”, одновременно нивелируя его брата, такого выдержанного бойца, кристаллического коммуниста и светлую личность?

<ЭРЕНБУРГ.> Мне очень трудно доказывать Вам неправильность этой записки, потому что<,> к сожалению<,> книга, указанная в этой записке говорится, что книги не имеется в продаже и в библиотеке. Я не симпатизирую «рвачу», я просто старался изобразить человека, который свихнулся в период перехода от военного коммунизма к нэпу. Эта книга<,> психологически показывающая человека, и мысль автора такова, что он с ним солидаризируется – наивная и неверная. Так упрекали Гоголя, что он симпатизировал своим персонажам, так в русской литературе упрекали автора сатирического романа «Мелкий Бес», так подавший записку уверяет, что «рвач» это я. Что касается его брата, то в чем меня упрекает автор записки, я очевидно показал, что я выдержанный боец кристаллического коммунизма. Приблизительно в таких выводах сделал автор этой книги. Бесспорно, этот человек был лишен яркой индивидуальности, но я думаю, что среди таких людей есть более и есть менее яркие личности. Мир, описанный мною, второстепенный мир и человек взятый, является честным, он был взят для противопоставления и своего торжества, который был незаурядным человеком, но свихнувшимся. Доказательством несимпатии к нему, к рвачу – это поставленная молитва, потому что она является выразительной, эта молитва говорит, что... (Читает)

Если вы немного переведете на прозаический язык, это значит, не покровительствуйте вообще одному, чтобы шел дождь *над* всеми нами. Если бы Вы читали эту книжку, мне не пришлось бы так много отвечать. Это не от меня зависит.

– Видели ли вы Хитлера, кто это сумасшедший или дегенерат?

<ЭРЕНБУРГ.> Я не знаю, я его не видел, я думаю, что это не вполне сумасшедший. А что касается дегенерата³², то это растяжимое понятие.

– Расскажите, как дает знать фашистская диктатура в Италии.

<ЭРЕНБУРГ.> Я там был в <19>24 году, в очень бурный период, за это время там очень многое переменялось.

– Расскажите об отношении заграничных писателей к Советскому Союзу?

<ЭРЕНБУРГ.> Писатели – понятие очень растяжимое и кроме того очень широкое. Точно так же, что записка: «Расскажите об отношении заграничных людей к Советскому союзу?» Люди бывают разные и разные бывают писатели. Я думаю, что автор записки сам это прекрасно знает и писавший не подумал, что есть писатели, которые относятся нейтрально и есть писатели, которые относятся враждебно.

– Как вы товарищ Эренбург оцениваете решение ЦК о перестройке советской литературы?

<ЭРЕНБУРГ.> Я сделаю<,> во-первых<,> поправку, что *решение ЦК* относится к перестройке Советских литературных организаций, а не к перестройке советской литературы. Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог литературу построить, перестроить, достроить<,> и т. д. Литература создается писателем. ЦК правильно поступил, приняв постановление о перестройке литературных организаций. Как я к этому отношусь? Может быть, товарищ, который задал этот вопрос, ушел курить до последнего моего отрывка, который я читал, если нет, то он примерно

³² В оригинале: «генереата», исправлено.

понимает, как я отношусь. Я, конечно, считаю это чрезвычайно спасительным для нашей литературы.

– Тов. Эренбург, почему вы не живете постоянно с нами?

<ЭРЕНБУРГ.> Имеется еще одна такая же записка. Я задал бы этому тов. <арищу> вопрос: как он рассматривает понятие «Мы», понятие «нас», его убеждения и взгляды, наконец понятие о советском союзе, где лежат границы этого, в пространстве или во времени. Насколько я помню, <<Интернационал>> является не только гимном СССР, но и международной революционной песней. Это можно иногда забывать, но забывать это не следует.

– Как реагировали за границей на смерть Маяковского?

<ЭРЕНБУРГ.> На смерть Маяковского за граница реагировать особенно остро не могла потому, что, к сожалению, поэзия мало доступна для перевода, Маяковский скорее был известен по имени, чем существует такой большой поэт, нежели по произведениям. Что касается белой эмиграции, то она реагировала, конечно, главным образом, осыпая Маяковского после смерти клеветой и упрямством.

Знаток балета, русский эмигрант, обретающийся в Париже – сотрудник литературной газеты в Париже – Андрей Левенсон напечатал статью в большой литературной французской газете, где описал смерть Маяковского в форме такой, что после ночи оргии зарвавшийся, низкий человек случайно застрелился в пьяном виде, этот сотрудник парижской литературной газеты Левенсон был подкуплен, писал гнусные вещи и т. д. После этого я обратился к французским писателям, к художественным деятелям искусства, предложил подписать протест против того, что французская литературная газета дала место такой клеветнической статье против Маяковского, этот протест был подписан всеми французскими художественными и литературными деятелями без различия направления, был подписан несколькими крупными писателями – католиками. Когда я отнес это постановление к редактору, что мы протестуем против того, что одна из самых больших литературных газет дала место, и т. д., он прочитал и сказал, что поправку сделать невозможно, потому что этот протест уже подписан, но, заинтересовавшись, я его спросил, что вас смущает, я думал, что он хочет выгородить сотрудника Левенсон, а он мне говорит, что вместо: «Одной из самых больших литературных газет» заменить словами: «Удивляюсь, что самая большая литературная газета».

Следующий вопрос: – Насколько сильно развито нищенство за границей по сравнению с СССР (Смех)

<ЭРЕНБУРГ?> (Вероятно, смех вызван тем, что в этой записке сказано «развито нищенство по сравнению с СССР»)

<ЭРЕНБУРГ.> Я видел немало людей в СССР, которые просили у меня денег, я не знаю, как это назвать – нищие или нет. Видел в Мск на станц. ж. <елезной> д. <ороги> Я вполне допускаю, что это не профессионалы – нищие, – скорее не профессионалы.

Затем, нищенство может состоять в том, что люди просят хлеба, а также и в том, что они просят денег, вопрос о том, можно ли получить за деньги хлеб...

– Можно по-разному принять нищенство (Голос с места).

<ЭРЕНБУРГ.> Я не знаю, как понимать. Очевидно: «Много ли за границей людей, которые просят на улице подаяния?»

Во Франции ненамного больше, чем было всегда, т. е. там есть отряд людей, которые легко могут быть названы профессиональными нищими. Это явление специальное в романских странах. Например, в Испании существует союз нищих и испанский нищий просит подаяние своеобразно. Он обращается и гово-

рит: подай мне, брат, и чрезвычайно независимо говорит, вроде: «проходи по улице, проходи». У них есть свои места, порядки и т. д.

Это совершенно другого порядка, чем в Берлине, когда к Вам подходит пристойно одетый человек, иногда в заплатах<,> и просит только дать ему, что-нибудь. Это безработный служащий, интеллигент и полуинтеллигент, который остался безработным. Это явление кризиса.

В Англии я видел шахтеров, которые ходят по улицам Лондона и играют на народных инструментах шотландских – это тоже форма нищенства.

Во Франции в такой форме нищенства сейчас, обострившегося, чрезвычайно мало. Существует профессиональное нищенство, старое<,> т. е. тех людей, которые не хотят, в то время<,> когда была работа, идти на работу.

– Как обстоит дело со строительством в Париже, Берлине, Лондоне?

<ЭРЕНБУРГ.> Последнее время, очевидно<,> тов.<ариш> сам знает, кризис остановил строительство. В Париже до кризиса было построено огромное количество домов. Теперь кризис домовладельцев. Во-первых, огромное количество построил муниципалитет города в Париже, город был раньше окружен пустырем, это было военное укрепление в Париже, сыгравшее роль в Коммуне, которое французы все время берегли, и думали, что это может пригодиться на случай войны, но во время последней войны было признано, что так называемая зона, отделявшая город от пригорода, в пятьсот метров, окружающая весь Париж, должна быть уничтожена. Построил муниципалитет очень много. Цены на квартиры резко пали, а стройки социалистические, тов. тоже<,> наверное<,> слышал, Берлин вырос, и сильно строился в период германского благополучия приблизительно в <19>25-м – <19>26, <19>27, <19>28 годах.

– Насколько глубок сдвиг влево интеллигенции на Западе?

<ЭРЕНБУРГ.> Глубину моря измеряют лотом, глубина сдвига, я не знаю<,> чем можно измерить, продвижение интеллигенции влево, если кризис приостановится, не будет идти на убыль, я думаю, сдвиг будет продолжаться, т. е. будет идти дальше, будет ли он глубоким, затрудняюсь ответить, но он будет более определенным.

– Что Вас вынуждает скитаться по Европам.

<ЭРЕНБУРГ.> Вот это относится к той психологии, которую я указал. В понятии Европы звучит нечто дальнее. «По СССР ездить», а по «Европе скитаться», я скитаюсь, я знаю эту жизнь хорошо, скитался в старой эмиграции и знаю хорошо.

– Что пишут газеты о Советском Союзе. – Правду или нет?

<ЭРЕНБУРГ.> Видите ли, товарищи, газета газете рознь, газеты есть разных направлений, каждая газета понимает по-своему, одна газета освещает положительные стороны, другая отрицательные стороны, одни освещают достижения, другие неудачи.

– Глубоко ли знание, серьезно ли знание *заграницей* того, что происходит у нас?

<ЭРЕНБУРГ.> Я думаю, что это знание возросло в порядке серьезности, но это знание относится к фактам, а не к атмосфере. Точно так же как Вы не представляете все, как там живут люди. Миры настолько различны, психология настолько мало доступна, что здесь существует недопонимание. Европа знает цифры нашего строительства, но это не значит, что вы представляете, как живет французский рабочий или французский буржуа, изо дня в день, ибо они не представляют<,> как Вы живете. Познание может дать только художественная литература, поскольку художественная литература дает это, она<,> конечно<,> достигает цели, но<,> к сожалению<,> наша литература художественная за последние годы главным образом описывала не людей (описание живых людей давала очень

мало), она была очень схематична и передать знание людей могла с трудом. Но в смысле познания<, > я думаю, что познания, они несколько более распространены. Я с трудом нашел бы квалифицированного французского рабочего, который не знал бы о существовании у нас города – скажем, Одессы или Харькова. В то время, как мы вчера с товарищем были здесь в студенческом общежитии, там было 15–20 чел.<овек> студентов<, > и ни один из них не знал о существовании города Барселона. Товарищ рядом *сидящий* со мной – свидетель того, что я не сочиняю, но у меня<, > к сожалению<, > нет свидетеля, чтобы доказать вам, как главный телеграфист в Новосибирске спросил меня: а где примерно находится Париж...

– Прогрессирует ли буржуазное искусство хотя бы частично?

<ЭРЕНБУРГ.> Конечно, главное мертвое место в буржуазном искусстве сейчас – это отсутствие серьезной темы, оно прогрессирует в части художественной, но оно регрессирует в области содержания. Французский писатель или художник должен искать чего-то оригинального, чтобы заполнить пустоту. Я приводил пример, что у одного человека один палец длиннее, чем у других. Писатель находит эту тему и всю жизнь пишет об этом, но как раз наиболее интересная – это человек с обыкновенными пальцами. То же самое относится и к живописи, и к искусству. Художник находит какой-нибудь способ, чтобы маскировать пустоту. Кстати о живописи я должен сказать, что если где-нибудь существует станковая живопись, то она существует только в Париже.

К сожалению, у нас насчет литературы дело обстоит слабо в порядке эстетики, если возьмете социалистические города, они приближаются к типу рабочего поселка запада, вид дома между казармой и тюрьмой.

Следующий вопрос:

– Тов. Эренбург, расскажите, есть ли пролетарская ассоциация писателей за границей?

<ЭРЕНБУРГ.> Заграницей существует международное отделение революционных писателей, они проводили повсеместную тактику, в чем состояла эта тактика, вы приблизительно все знаете.

– Как кризис в Европе отразился в литературе?

<ЭРЕНБУРГ.> Может быть два толкования. В литературе кризис никак не отразился, объясняется это тем, что писатели не так быстро пишут книги. Кризис в Европе, как явление органическое, Вы знаете, что всякий роман выходит года через три-четыре, после того<, > как произошло событие, а кризис произошел не так давно, чтобы можно было его искать в литературе.

Мне задавали вопрос в одном городе, как отразился в художественной литературе процесс Горгулова, думали, что написали роман на эту тему.

Такая мысль, что нажал кнопку – и произошел писатель, и готов роман, – это ошибочная мысль.

На литературе кризис отразился, сокращение издательств и тиража книг. Но не навсегда. С забавными поправками. Например, в Германии большое издательство художественной литературы, издающее собрание сочинений Горького С...³³, советских писателей (у меня 10 книг в этом издательстве) – отмечает по отношению к годам до кризиса – рост.

Рабочий не может теперь часто покупать книги, немецкий рабочий *до кризиса* покупал книги даже в переплете, теперь он не может покупать для домашнего обихода книг, но он берет книги из библиотеки безработных, у него много времени и читает он значительно больше.

³³ Имеется в виду немецкое издательство «Малик» («Der Malik-Verlag»).

Та часть интеллигенции, которая не интересовалась художественной литературой, связанной с соц.<иальными> проблемами, теперь под влиянием кризиса заинтересовалась<,> и этим также объясняется рост книг этого порядка.

(Я оставляю две темы для маленьких небольших рассказов о Горгулове и об Испании, т. к. они связаны.)

– Скажите, каково настроение мелких держателей ценных бумаг, их отношение к СССР, в связи с неуплатой нами долгов Франции?

<ЭРЕНБУРГ.> Ну, люди ко всему привыкают; они также начинают привыкать. Особых настроений подробных из личных настроений я не знаю; но судя политически: по последним выборам, они начинают к этому привыкать.

– Интересно знать, как <бы> чувствовал себя ХУЛИО-ХУРЕНИТО в период развернутого наступления социализма на стройке? (Смех)

<ЭРЕНБУРГ.> Зачем тревожить его память? Хотя бы для того, чтобы не огорчать автора записки. Какие странные фантазии бывают, одному человеку пришла в голову мысль «ХУЛИО-ХУРЕНИТО на стройке».

– Уважаемый товарищ – мы люди занятые, болтовни не любим, Вы же ничего путного не сказали. Что вы преследуете сегодня сделать полезного и что намерены рассказать про жизнь запада, ваши писания мы прочитали между прочим?

<ЭРЕНБУРГ.> Я полезного Вам ничего не сделаю, и трудно Вам сделать, *так как* читаете «*между-прочим*». (Смех).

РЕПЛИКА: – Надо прекратить такие записки.

Эренбург: почему прекратить, то, что я Вам рассказывал, это для Вас, а то, что вы пишете мне – это для меня<,> и я эти записки прочитаю не «*между-прочим*».

– Принадлежите ли вы к какой-нибудь политической партии?»

<ЭРЕНБУРГ.> Нет, принадлежал к партии большевиков в 1908 году.

– Как живут западные писатели и о чем они пишут?

<ЭРЕНБУРГ.> Я теряюсь путное сказать на этот вопрос, как они живут и о чем пишут. Писателей западных много<,> и стран западных много, пишут они о многом<,> и нельзя в течение 5 минут пополнить незнание этого.

– Расскажите что-нибудь о жизни русских писателей-эмигрантов.

<ЭРЕНБУРГ.> О жизни русских писателей<->эмигрантов я не знаю, ничего особенного рассказать не могу, т. к. близко не наблюдаю. Пишут они скверно. Это объясняется вот чем. Эмигрировали писатели <-> старые русские материалисты, черпавшие материал из конкретного быта, как Бунин, Куприн, Шмелев, Зайцев, это писатели еще недостаточно старые, чтобы не войти в новую жизнь окружающего им незнакомого народа. С другой стороны, они после революции России не знают, значит, материал ограничивается воспоминаниями о прежней жизни. Эти воспоминания тускнеют. Несмотря на то, что Бунин писатель талантливый, он пишет более слабо теперь, чем 15 лет тому назад.

– Тов. Эренбург, что вы сделали среди иностранных рабочих во Франции?

<ЭРЕНБУРГ.> Иностранные рабочие во Франции – главным образом это поляки и чехословаки. Я не понимаю вопроса, что я мог сделать среди них?

– Расскажите о рабочих Франции, о быте, о работе, о классовой борьбе, поскольку вам удалось наблюдать эту жизнь.

<ЭРЕНБУРГ.> Быт французского рабочего. Французский рабочий в смысле квартирных условий значительно хуже, чем живет немецкий рабочий. Свой заработок он тратит меньше на квартиру, нежели на одежду или на еду. Кроме того, до последнего времени в Париже а поныне, в теперешнее время и в др.<угих> местах, очень мало сделали в смысле постройки новых хороших домов для рабочих. Поэтому в квартире французского рабочего вы не найдете ванны, *центр.<ального> отопления*, кроме новых домов, построенных Парижским муниципалитетом. Французский рабочий холостой или бездетный очень часто сни-

мает комнату в так называемом отеле³⁴, огромное количество этих отелей рабочих *находятся* на окраине Парижа, объясняется тем, *что* эти комнаты снимаются на месяц вокруг завода. Рабочий французский ест примерно по меню, его обед копия обеда буржуа, только сделано хуже из худшего материала, он ест мало мяса, много зелени, салата, пьет много вина, вино пьет регулярно, приблизительно около литра в день, вино не воспринимается им, как опьяняющий напиток, а как вода, пьет много кофе.

В области культурной французский рабочий ходит раз в неделю в кино или в районный театр, где идет драма или Мюзик-Холл, читает он мало по сравнению с немецким рабочим, читает в день три газеты: одну партийную, в зависимости от того – кому симпатизирует, одну обще-информационную буржуазную газету, которая дает наибольшее количество живописного материала, и третью молодежную, специально-спортивную, спортом молодежь увлекается сильно. Религиозные вопросы совершенно не существуют<,> даже среди женщин. Рабочие демонстрации, митинги во Франции отличаются одной особенностью по сравнению с другими, ибо чем круче ведет себя полиция, тем дурнее проходит демонстрация. Французские рабочие с трудом выносят, что их хотят разогнать и легко попадают в подвал. Большие митинги, созываемые коммунистической партией, проходят в очень большом зале... по выходе из этого зала бывают большие стычки с полицией, иногда серьезные с ранениями. Во время забастовок, наблюдается большой подъем, вообще загорается французский рабочий очень легко.

Вопрос: – Какое впечатление произвел на вас Свердловск?

– Что прежде всего бросается в глаза по приезде в СССР, после долгого отсутствия, какое впечатление произвела вчерашняя беседа с писателями г. Свердловска?

<ЭРЕНБУРГ.> Я, товарищи, думаю, очень трудно ссуммировать быстро, какое впечатление произвел Свердловск, нужно подумать спокойно. Поэтому я бы уклонился от ответов на эти вопросы. Не потому, что я не мог бы ничего вам рассказать, не потому что я не хотел бы вам рассказать, но просто – отвечать случайно, случайными моментами, выпирающими из той или иной записки, не стоит. А для того, чтобы подумать, для этого писателю нужно время. О загранице мне легче говорить, потому что я ее хорошо знаю, давно сложилось отчетливое мнение о многих вещах. А здесь труднее.

– Скажите, что Вам нравится в Мопассане³⁵?

<ЭРЕНБУРГ.> Я никогда не говорил, что мне нравится Мопассан.

Мопассан хороший психологический писатель, хорошо знающий психологию своих героев, тонкий, очень четкий. Вообще таких писателей очень не мешало бы знать. Но мне нравится вопрос: «Скажите, что вам нравится в Мопассане?».

Второй вопрос, того же автора:

– Почему ваш Хуренито самоубился, и почему через сапоги? (Смех).

<ЭРЕНБУРГ.> Видите ли, я постарался объяснить это книжкой «Хуренито». Там 400 страниц. И если я не мог вам доказать, что он должен был так кончить, то как же могу доказать сейчас на протяжении 2 минут.

Здесь еще есть вопросы, но они более частные, повторяющиеся, все остальные сводятся к двум. Я прочту один вопрос без ответа для характеристики, все-таки необходимость точного понимания и знакомства с заграницей для товарищей является необходимым.

³⁴ Здесь и далее в этом предложении слово «отель» напечатано с удвоенной «т»: «оттель». В первом случае чернилами переправлено на «Отель».

³⁵ Здесь и далее фамилия Мопассана напечатана с одной буквой «с»; не исправлена.

– Где лучше снабжение рабочих промтоварами и др.<,> кадровых рабочих за границей или в СССР? (Смех).

– Участвуете ли в коммунистической печати Франции?

<ЭРЕНБУРГ.> Участвовать Советским гражданам в коммунистической печати и политической деятельности запрещается нашим представительством. Вообще<,> как журналист я не участвую, но в бюллетенях в коммунистической печати бывают часто переводы моих вещей.

– Влияние Жироду на капиталистическую молодежь.

(Ответ не слышно).

– Кто из классиков пользуется наибольшим успехом, современные писатели или Жироду?

<ЭРЕНБУРГ.> Из классиков мировой литературы сейчас можно разделить литературную молодежь одну на широкие романы типа Золя и Стендаль.

– Тов. Эренбург, чем объяснить незнание Вас аудитории: или невежеством последнего, или непопулярностью писателя?» (Смех)

<ЭРЕНБУРГ.> Я думаю, и тем, и другим.

Вы наверно знаете, что мои книги за последнее время очень мало издавались у нас, так что отнести к невежеству несправедливо.

– В Вашем произведении ... , что Вы хотели показать – прогресс капитализма или конец его стабилизации? Вообще Ваше отношение к этому?

<ЭРЕНБУРГ.> Очевидно, к прогрессу капитализма?

(Опять-таки<,> написал книжку о западе на 14 страницах. Тов. говорил, что указал язвы и т. д., а потом пишет: Что Вы хотели показать прогресс капитализма.)

– Скажите, чем занимаются и как живут белоэмигрантская молодежь во Франции и в каких школах учатся?

<ЭРЕНБУРГ.> Белоэмигрантская молодежь денационализируется, она говорит на французском языке и с презрением посматривает на родителей своих, которые мечтают возвратиться сюда. Есть группа молодороссов, они считаются советскими монархистами... император Кирилл одобрил пятилетку. Вот группа вокруг него называется группой молодороссов, они стоят за советскую монархию и за советскую пятилетку.

– Тов. Эренбург, почему вы рассказываете о быте рабочих, а не расскажете о их политической жизни? И почему вы иронически относитесь к большинству вопросов, которые *задает аудитория* ³⁶?

<ЭРЕНБУРГ.> Еще один вопрос: Почему я избрал местожительством за границу и какие знаю языки (Похоже на анкету). Я рассказывал о том, как живет и что ест французский рабочий, меня спрашивали о быте французского рабочего, а не о политической жизни. О бытовой стороне политич.<еской> жизни я рассказал, рассказал, какие он читает газеты, а о его принадлежности, скажем, к французской коммунистич.<еской> партии вы знаете из газет. Вы занимаетесь обществ.<енно->политической работой, а я занимаюсь литературой. Я приехал к вам из-за границы и могу рассказать просто по наблюдениям нечто то, о чем газеты не занимаются. Не занимаются не потому, что не желают, а не хватает места. Почему я иронически отношусь? Я иронически отношусь потому, что иногда пишут не из желания знать, а просто механический рефлекс, спрашивают то, что всегда спрашивают, или проверяют меня. Вот также недавно мне задали вопрос: «Считаете ли вы, что существует классовая борьба?» Был вопрос задан в качестве проверки, я ответил, думаю хорошо, был экзамен.

³⁶ Слова «задает аудитория» вписаны от руки вместо зачеркнутых: «не нравятся Вам, а аудитория...»

Почему я избрал местожительство за границей? Я избрал не по своей воле, а по воле событий. В 1907–1908 гг. я был арестован, пробыл в тюрьме, потом эмигрировал за границу и там провел 8 лет.

Какие знаю языки? Знаю французский хорошо, знаю немецкий, немного испанский, итальянский. Как будто бы ответил.

Теперь я могу рассказать о двух вещах, о процессе Горгулова и несколько черт о революционной Испании.

Начну с процесса Горгулова. О процессе Горгулова буду рассказывать по-своему, по-моему, интересно услышать не то, что читали в газете (С места: «Не все читали газеты»). Да, это верно. Не все ухитряются читать газеты. Если начну рассказывать то, что читали в газетах, то другие не услышат то, чего не было в газетах.

С места:

– Вы расскажите то, что читали в газ.<етах> и то что не было в газ.<етах>.

<ЭРЕНБУРГ.> Указание ценное, что на собрании партактива ряд товарищей просили рассказать о том, что было в «Известиях» (Смех). Некоторые не понимают мою иронию, тогда я вашу не понимаю (Смех).

– Это ирония немножко поглубже (Голос с места).

<ЭРЕНБУРГ.> Обыкновенно меня спрашивают, сумасшедший ли Горгулов. С этого начинают: «что это за человек».

Я три дня провел в его обществе, пробыв на суде от начала до конца, внимательно наблюдал за ним, сидел не так далеко от него, чтобы слышать даже бормотания под нос, которые он иногда допускал, те случайные русские слова, которые он бормотал про себя, ибо он разговаривал с судом по-французски; кроме того, прочел в его книжке, всю печатанную литературу, которая у него была, он издал две книжки литературных и две политических, – и я все-таки затрудняюсь ответить на этот вопрос. Конечно, он не сумасшедший в смысле безумного человека, не сознающего и не понимающего, что он говорит и что он делает. Это прежде всего маниак, одержимый одной мыслью. Мания преследования, как вы знаете, часто связана с манией величия, ибо человек, которому кажется, что его преследуют, постепенно начинает думать, что он замечательный и необычайный, раз преследуют его. Горгулов типичный рядовой эмигрант. Из тех, которые никак не могли пристроиться и приспособиться к европейской жизни. Он пробовал заниматься разными вещами, то он женится, получает приданое, пробует на приданое издать книжку и стать писателем. То он уезжает в маленький городок Чехословакии и получив врачебный диплом, начинает лечить больных от венерических болезней.

То<,> изгнанный из Чехии, причем здесь следует верить, что в городе было 12 врачей, городок был маленький<,> и они <не> хотели, чтобы приезжал иностранец. Изгнанный из этого городка, он ищет занятия, он решает, что в Абиссинии³⁷ нет врачей<,> и хорошо бы проехать туда на моторной лодке, он подает прошение, чтобы его отправили врачом Бельгийской... (Не слышно). Он поручает танцовщице расшить зеленое знамя, в политике он интересуется гербами, лозунгами и ему кажется достаточно придумать девиз и написать герб, и политическая партия создана. Французская полиция решает, что он чересчур шумен, 4 раза он женился, 4 раза получал приданое и 4 приданных растратил, денег нет. Он издает литературу, литературу, полную ненависти к русской революции, так и к Европе. Здесь нужно указать на одно явление очень своеобразное. Он представляет себя бывшим русским офицером, который ездит шофером такси в Париже, он подвозит к ночному кабаку человека<,> француза, который ему кажется врагом. Этот

³⁷ В оригинале: «...в Абесинии»; не исправлено.

человек его глубоко возмущает, он переходит в разговор: «Мы спасали вас во время войны, а теперь они заставляют нас работать». У него впечатление, что он занимался<,> и что он должен быть на положении привилегированном, а его заставляют ездить на завод или шофером такси.

Нет чувства, требующего практического применения, как труд, но любить на расстоянии так же трудно, <как> и ненавидеть на расстоянии. Понятие «большевики», «советы» – абстрактное, французы у него под носом изо дня в день, его ненависть переходит на них, почему они не дают ему вернуться туда.

Один из поэтов из сумасшедшей правой эмиграции писал об этом: – Хотел бы я быть Тамерланом, хотел бы я быть великаном и немца пятой раздавить.

Дальше я не помню, кончаются эти стихи фразой: – Французу зубами горло порвал бы, на чортов остров бы послал, хотел бы быть чумой и т. д. Эти стихи вряд ли кто слышал, я их откопал. Он читал газету такого порядка, читал «Набат» Яковлева. В «Набате» Яковлева писали, что французы протягивали лапу к Екатеринбургским палачам. Это печаталось во Франции. Горгулов читал и ему нечего было делать, его личная жизнь была закончена, ему ничего не удавалось. Человек он несомненно храбрый, неистовый, дикий, он растратил деньги последней 4-й жены, взял револьвер, выпил вина, отправился молиться в храм Парижской Богоматери, потом пошел и застрелил президента. Началось тут непонятное. Достоевщина своеобразного порядка, что сначала напился, потом пошел молиться, проверил револьвер и застрелил старика. В общем, это приблизительно понятно<,> и вы<,> наверно<,> встречали в своей жизни типов подобного порядка. На суде он не спасал себя, с точки зрения отношения к своей жизни он говорил, что ему безразлично, но хотел, чтобы его расстреляли, а не... (Не слышно).

Он хитрил, очень хитрил, чтобы привлечь к себе симпатию аудитории, он не хотел разговаривать с председателем суда, он все время повертывался к публике, кстати<,> надо сказать, что публики почти не было, немного было от прессы, немного адвокатов и ряд полицейских<,> переодетых в штатское. Он повертывался к ним и говорил на ужасном французском языке, что «Франция, слушай меня, я с тобой говорю, я, Павел Горгулов». Все полицейские недоумевали по этому поводу. Он говорил по-французски очень плохо, что увеличивало непонятность того, что он говорил, увеличивало непонятность допроса, когда он говорил по-русски<,> и переводчик его переводил. В одном из допросов он говорил: «Я не зверь, а былинка», переводчик переводил: «Я не зверь, а маленькая трава». Тут уже было полное недоумение.

Им были написаны такие мемуары: дело Горгулова, который застрелил президента Французской республики, в этих мемуарах он очень ругал большевиков, социалистов, евреев и французов. На суде ругать французов была глупость, т. к. кругом все сидели французы, евреев, *также нельзя ругать, потому что* председатель суда был Дрейфус, если фамилии было недостаточно, то в доказательство была борода, нос, которые подчеркивали тип старого еврея, рядом сидел присяжный переводчик Наум Цацель, также еврей – не поругаешь.

Значит<,> на суде ругал большевиков, монархистов, немцев. Поразительно то, что Горгулов не вызвал никакой симпатии у французов, по существу<,> всякой человек, который идет на смерть, мог вызвать известную долю сентиментальной романтической симпатии, Горгулов же был лишен привлекательности и настолько чужд и далек психологически французам, *что* не было ни одной минуты, чтобы какая-нибудь волна симпатии прошла по лицам французов. Я продолжаю настаивать в своих корреспонденциях, телеграммах, что<,> конечно<,> Горгулов является типом рядового эмигранта, а отнюдь не представителем какой-то сложной боевой террористической организации. Я говорил о том, что люди вроде Горгулова были в свое время людьми с винтовками, теперь это стали просто винтов-

ки, из которых может любой выстрелить. Горгулова никто на это дело не послал<,> за исключением тех настроений и той атмосферы, которая в определенных эмигрантских кругах царила. Огромную роль сыграло, это я повторяю, – личное озлобление.

Вот сцена последняя. Суд, приговор, все устали: три дня длился суд, после последний затянулся долго к ночи. Присяжные вышли и прочли: «Да». На два вопроса, поставленные им, – не прибавит снисхождения. Как потом выяснилось, из 12 – 2 голосовали за снисхождение, т. е. за вечную каторгу<,> и 10 за смертную казнь. Во время чтения приговора присяжных, подсудимый во Франции не присутствует, его вводят для выслушивания окончательного приговора, который читает председатель суда.

Горгулова ввели. Незадолго перед речью защитника он сорвал с себя воротничок и расстегнул рубашку, потому, что было жарко. Был страшный, огромный, с волосатой грудью. Председатель должен был прочесть приговор смертный. Надо сказать, что председатель Дрейфус<,> один из самых крупных магистрантов Франции, был выбран именно по своему имени, он представлял одного из самых крупных министров страны, но он никогда не председательствовал в уголовном суде, а всегда в гражданском. Поэтому рядом сидел помощ.<ник> по уголовным делам, который помогал. И с другой стороны, когда надо было прочесть смертный приговор, который во Франции архаичен и жесток по форме, именно, что «Вам будет отрезана голова на одной из площадей Парижа».

Дрейфус запнулся и не мог прочитать, прокурор нашелся и представил это дело так, что дал ему возможность передохнуть, когда принесли лампу, тогда все посмотрели на Горгулова и ждали, что он скажет, Горгулову было все равно, право на жизнь или смертельный вопрос, это может сравниться с положением дореволюционной России, еврею дадут или нет право на жизнь. У Горгулова отняли право на жизнь, ему говорят, что отняли голову, а он... так жалко и мучительно кончился этот процесс.

Теперь расскажу о нескольких моментах этого процесса. По телеграфным известиям указано, что Горгулов был осужден<,> и что Франция выступит против Горгуловщины<,> и действительно<,> у прокурора Франции было положение или подчиниться или сесть рядом с Горгуловым, значит<,> вопрос идет по комедии буржуазного суда, а в данном случае о комедии и эпизодии <так> данного суда. Белые поддерживали версию, белые газеты писали о том, что Горгулов большевик. Для этого был послан в качестве свидетеля казак. Когда этот казак вошел в зал суда, то французы ахнули, более экзотического трудно себе придумать (Смех). Я часто задумывался, почему пустили белые такого человека, в то время, когда там достаточно людей, у которых расстреляли близкого человека во время гражданской войны, и который мог бы рассказать что-нибудь или всплакнуть, в это время вводят человека, который в гражданской войне не участвовал. Вошел огромный детина с выправкой фельдфебеля³⁸ и с потрясающим носом, я такого носа не видел, это была башенка, говорил этот казак Лазарев, как говорят у Зощенко. К сожалению, цветистость речи не доходила до французов. Я прошу оценить комичность положения... пишет... Эмигрировавший после погрома за границу, был присяжным переводчиком в русском трибунале по русскому языку. Роста он был низкого, тщедушного, вид слабый, беспомощный. Рядом с ним стоит человек, который должен напоминать погромщика 1905 года. Действительно<,> когда этот казак расходился, Наум Цецель отодвигался и смотрел на него испуганно, но он чувствовал себя гражданином, имеющим теплицу министерства земледелия, и он смотрел пренебрежительно. Он говорил: значит<,> он говорит, удо-

³⁸ В оригинале: «федьшебела»; не исправлено.

стоверить личность можете, а не так, так бац в морду. Наум Цецель переводил бесцветно, если утверждают об утверждении личности, он ответил угрозой ударить по лицу. Длилось это около часу, Лазарев врал, как мог, врал фантастически, он рассказывал о таких технических усовершенствованиях, которые не соответствовали стране в тот момент, о каких-то сложных машинах, о высшей школе, куда приезжали немецкие специалисты читать лекции<,> и т. д. Как говорят, человек заврался. В начале засмеялись, Д... с трудом удерживал улыбку, потом всем это надоело. Председатель говорит: спросите его, почему он убежден, что лицо, которое он называет чекистом<,> монголом<,> и Горгулов – одно и то же.

«Если господин председатель даст распространиться, значит скажу, если нет – увольте. Переведите».

... Час говорить, где же распространиться. Председатель говорит: спросите его ... (Не слышно)

Это было затруднительно для Лазарева, потому, что кроме дела у него было все. Тогда он несколько подумал, вынул большой платок, платок перед собой разложил, платок с каймой, было совершенно непонятно. Потом он сказал: спросите господина председателя, знает ли он, что значит застеночные пытки. После чего он свой нос сунул в платок... раздался звук, нехорош, но неубедителен. Номер не удался. Когда председатель сказал: можете идти. Здесь Лазарев вспомнил, что он забыл важный вопрос, как он говорит: скажите, господин председатель, что значит большевики... (Не слышно), они против Версальского мира...

Потому что боши против Версальского мира, значит<,> заодно с большевиками, Наум Цецель пренебрежительно посмотрел на Лазарева, сказал, можете идти, так кончился номер казака Лазарева. Второй номер появления Альперович и Березяк. В Париже проживали два печатника<,> Альперович и Березяк, ранее приехавшие в Париж из Одессы во время эмиграции, печатали различные объявления для русских ресторанов, этикетки для водки, одним словом, выполняли мелкие заказы. Пришел к ним крупный заказчик Горгулов и говорит, напечатайте литературное произведение «Тайной жизни скифов»³⁹, Альперович <и> Березяк этот заказ взяли, через некоторое время явился Горгулов<,> – сказал, давайте книжку, а те сказали, как насчет денег, он говорит, я вас застрелю как собаку, его удалось успокоить. Книжка была не готова – ушел, вскоре Альперович и Березяк узнают об убийстве французского президента, бодро бросаются по улицам Парижа, останавливают знакомых и говорят: «Какое счастье, он мог убить нас», был совершенно сумасшедший человек, этот рассказ дошел до защиты, защита поддерживала версию о сумасшествии Горгулова. Защита решила вызвать Альперович<a> <и> Березяк<a> в качестве свидетелей, чтобы показали, что Горгулов был сумасшедший.

Произошла одна из редчайших по комизму сцен, которая свидетельствует о страхе эмигрантов перед властями. Эмигрант панически боится полиции, консульства, визы<,> и т. д.

Входит Альперович. Он приоделся, одел крахмальный воротничок, который во Франции уже никто не носит. Так для блеска зачесал волосы, так хорошо. Испуганно глядит на суд.

Зрелище действительно патетическое, старик Дрейфус в красной мантии, отороченной горностаеями. Рядом судьи в таких же костюмах. Прокурор в красной мантии, в шапке. В черных балахонах адвокаты. Роскошь необычайная. Альперович смотрит на эту роскошь и начинает дрожать. Председатель Дрейфус говорит, формулу присяги глухо и важно (приводится формула присяги), наконец приглашает: «Поднимите правую руку и скажите – клянусь!»

³⁹ В оригинале: «Тайная жизнь скипов»; не исправлено.

Альперович поднимает правую руку. Рука трясется. Зал это видит. Шепотом говорит: Клянусь!

Тогда председатель говорит: повернитесь к присяжным и расскажите, что вы знаете о Горгулове. Тогда Альперович говорит, что «Я собственно о Горгулове ничего не знаю, я его не видел, с ним разговаривал мой компаньон г-н Березняк».

Председатель говорит: «Хорошо, приведите сюда г-на Березняка».

Когда вошел Березняк, то все увидели, что Альперович герой. Березняк уже не мог поднять руку. Он где-то помахал, как собачка хвостиком вниз. «Клянусь» – тоже не произнес, едва пошевелил губами. И к присяжным не повернулся, а начал умоляющими глазами глядеть на председателя. Председатель спрашивает: «Что вы знаете о Горгулове?»

– Ничего (Смех). Я никогда не разговариваю с клиентами. Я только стою у наборной кассы и набираю, набираю, набираю, всегда разговаривает мой компаньон (Смех).

Третий смешной эпизод – это был вопрос о так называемой русской душе. Нужно сказать, что французы все время недоумевали перед Горгуловым, многое было непонятно. Я должен сказать снова, «юродивый» по-французски нельзя перевести<,> и переводчики всегда теряются, но все же вопрос о юродивой душе своеобразно занимал французов.

...доказывал, что Горгулов нормальный<,> и сказал, что если бы Горгулов был француз, то он был бы сумасшедший, но так как он русский, то он вполне нормальный, и особенно принимая во внимание, что он человек с кавказской психологией, здесь Горгулов заявил, что он не кавказец, тогда Дрейфус заявляет, что он родился на Северном Кавказе, защита спрашивает эксперта: «Что вы называете кавказской психологией?»

«Собственно говоря, более детально я не могу сказать, но я слышал, что кавказцы любят легенды и сказки», – говорит эксперт.

Я расскажу вместо рассказа об Испании один небольшой эпизод, который охарактеризует, с одной стороны, положение испанской деревни после так называемой революции, с другой стороны, даю ответ на задаваемую записку «Почему Вы скитаетесь по европам, что Вы там делаете и т. д.». Есть в Испании городок... находится он недалеко от провинции... (Не слышно) Если проехать километров 100 автобусом, а потом километров 50 лошадьми, а потом 20 верхом, то можно приехать до озера... место это красивое, кругом горы, кишит форель, на берегу озера расположены две деревни. Трудно сказать, какая из беднее, куренные избы, во тьме большие сени, у испанцев по 10 детей, едят горох на деревянном масле, ходят босиком, дети голодают.

В одной из деревень развалины монастыря. Был монастырь, монахи бедные или богатые ушли 100 лет тому назад, он был феодальный и 1000... что могла выручить эта деревня.

Уезжая сто лет назад, монахи продали фора какому-то светскому человеку. Теперь адвокат, который живет около этой местности, получает ежегодно 3000 из этой деревни.

Когда я был, со времени революции прошло восемь месяцев, и фора не был отменен, фора уплачивались и после революции.

В другой деревушке, в хорошем доме, с трубами, с занавесками живет один синьор, он не получает фора, но он представитель той синьоры, которая живет... (Не слышно)

Вода из озера с рыбой ей не нужна, но если крестьянин пытался выудить одну рыбку, то представитель синьоры, или подчиненный стражник хватал и сажал в тюрьму или стрелял. Так продолжалось и после революции... (Не слышно) В этой деревне врач... (Не слышно) до революции ждали, что революция поможет

этому, приезжал в деревню агитировать за республику, когда мы проходили с ним по улице деревни, одна крестьянка, окруженная детьми, строгим сухим лицом с... которая присуща в Испании остановила его и сказала: «Что же... Франциско, республика сюда не доехала». Я описал жизнь этих деревушек среди прочего описания Испании в книге об Испании, эта книга вышла, должна была выйти, для Испании она вышла давно, я написал на испанском языке, называется она в Испании иронически «Республика трудящихся». Это название происходит вот откуда: учредилка на одном из заседаний приняла постановление: Испания – республика всех трудящихся. Биржа ответила на это постановление понижением всех ценностей. Тогда испугались и на следующий день приняли поправку: трудящихся всех классов. Когда эта книжка вышла в Испании, доктор, о котором я говорил, послал книгу в эту деревню. Крестьянин, который жил бесконечное количество времени этой жизнью, который терпел 8 м-*еся*цев после революции терроры... (Не слышно) Потом представителя синьоры, что если к завтрашнему дню это безобразия не будет отменено, то все три указанных дома *будут* сожжены. Это дело, которое тянулось 8 месяцев со дня революции, было решено телеграммой в течение нескольких часов отменить форум и отменить право владения озером. Я получил от крестьян этих деревень письмо с рассказом об этом с приглашением приехать к ним есть форель, это предложение абстрактное, поскольку существует Республика в Испании, я в Испанию не могу въехать, поэтому не буду есть форель. Для меня *это было* огромной радостью, редко встречаемой на нашем писательском пути, ибо мы если 10 раз столкнемся с записками вроде: «Что болтаете нам ерунду», один раз получим такого рода письмо, в котором видно, что кому что-то непосредственно дано.

Вы просили рассказать что-нибудь об Испании, я вам рассказал маленькую картину о жизни испанской деревни, которую никак не затронула революция, с другой стороны, хотел немного Вам ответить на некоторые записки, которые получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде чем закрыть собрание актива, я дам несколько справок, собрание актива было назначено на 7-мь часов, но тов. Эренбурга известили, что собрание будет в 8-мь. Поэтому запоздал не по своей вине. Маленькая недоговоренность.

Вторая справка. Та повестка, которая распространена, – тут конечно произошла опечатка *фамилии*. Исправление было внесено, но так как тов. распространяли эти повестки быстро, часть повесток распространены районами, то очевидно товарищи, которые распространяли, не исправили, а предпочли быстрее распространить, для того чтобы собрать актив. Мы собрали актив в несколько часов *<>* и примерно 500–600 чел., поэтому та ошибка, которая произошла, она произошла по вине тех товарищей, которые распространяли, но не успели вовремя исправить.

Я думаю, товарищи, что нам нужно поблагодарить тов. Эренбурга за ту беседу, которой он нас удостоил. Беседу весьма ценную. Вместе с тем, нам нужно запомнить, что актив художественной литературе уделяет недостаточное внимание. Действительно *<>* та записка, которая поступила от одного тов., о том, что плохо знают произведения тов. Эренбурга, она характерна для того, что многих советских писателей, крупных писателей, мы еще не знаем или знаем очень плохо. В том числе и произведения тов. Эренбурга.

Тов. Эренбург – крупный советский писатель, писатель с мировым именем и *<>* к стыду нашему *<>* мы его произведения плохо знаем. Я думаю, что приезд тов. Эренбурга сюда к нам на Урал *<>* и *<>* в частности *<>* в Свердловск заставит нас больше подумать о том, чтобы внимание произведениям советских писателей, в особенности таких крупных писателей, как Эренбург, уделять больше.

Времени у актива очень мало на то, чтобы заниматься чтением художественной литературы, но я думаю, что мы делаем ошибку, ошибку в том отношении, что мало знакомимся с творчеством наших советских писателей. Нужно больше уделять времени, находить времени для чтения. И приезд тов. Эренбурга должен заставить нас подумать об этом и подумать серьезно.

Я сделаю одно замечание по тем запискам, которые были заданы. Один тов. <ариц> спрашивает, как за границей: буржуазная литература, буржуазное искусство прогрессирует или регрессирует:

Тов. Эренбург ответил, что по форме литература, искусство прогрессирует, а по содержанию как бы регрессирует.

Я думаю, что это не совсем верно: форму от содержания отрывать нельзя. Мы знаем, что капиталистические страны переживают кризис экономический, переходящий за последнее время в кризис политический. В ряде стран буржуазная литература, буржуазное искусство также переживают кризис, как и все капиталистические страны, так что думаю, что это замечание нужно будет учесть.

Разрешите собрание актива считать на этом закрытым.

СОВЕЩАНИЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ.

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 205. Уральский обком ВКП(б). Секретариат протокольная часть. Стенограмма выступления писателя Ильи Эренбурга на собрании областного и городского партийного актива. 16 окт. 1932. 44 л. Машинопись с правкой красными чернилами. Орфография и пунктуация в основном приведены к современной норме, некоторые характерные особенности оригинала отмечены в подстраничных сносках.

Публикация и подготовка текста Н. В. Веселковой.

N. V. Veselkova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Ekaterinburg,
Russian Federation*

“Couldn’t Say Anything Else”?

**I. G. Ehrenburg’ Meeting with Sverdlovsk Party Activists
in October 16, 1932**

In the autumn of 1932, Ilya Ehrenburg (at that time, constantly lived in Paris) made a trip to Kuznetskstroy, capturing several cities along the way, including Sverdlovsk. Until now, by the materials of the Sverdlovsk local press and memoirs only the meeting with the creative intelligentsia was traced. The transcript preserved in the fund of the Sverdlovsk Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union (then the All-Union Communist Party (Bolsheviks)) bears witness to another event, where Ilya Grigorievich communicated with the party activists in Sverdlovsk. The article provides a detailed commentary to the document, first publishing in this volume.

A specially convened party meeting was conducted by two local representatives of the party and cultural establishment, Ivan Astakhov and Semen Tubanov, both recently appointed from Moscow, the fact which well shows the need of the Ural region and its capital for the influx of “cultural forces” from the outside. Writers and artists were heavily invited to the Urals during that time, but it was not easy to sing the victories of socialism here: shortly before Ehrenburg, unable to withstand the local flavor, Boris Pasternak initially arrived “for a long time”, fled from Sverdlovsk.

Ehrenburg reads excerpts from his last works, tells about the search for a new literary form, which he calls the “romanization of a factual material,” then answers questions from the audience. Many of the topics raised at the Sverdlovsk meeting are cross-cutting for that Ehrenburg’s jour-

ney to the USSR and his work of the early 1930s in general. Among them there are the possibility for literature to influence life actively, Ehrenburg revealed this idea by the chapter “A Republic of the Workers” from his recent book “Spain”, as well as the position of Soviet culture against the background of European, primarily both French and Russian émigré literature. The writer attaches particular importance to the Gorgulov case, thanks to which he began to cooperate with newspaper “Izvestia”, and was able to make a business trip to the cities of Siberia and the Urals in 1932.

Keywords: Ehrenburg, “The Second Day”, Ural-Kuzbass, Sverdlovsk, Pasternak, Russian emigration, Gorgulov case

References

- Berard Ewa. *Burnaya zhizn' Il'i Ehrenburga* [Rough life of Ilya Ehrenburg / La vie tumultueuse d' Ilya Ehrenburg]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 272 p. (in Russ.)
- Dianov S. A. *Organy Glavlita na Urale v mezhuvoennyj period (1920–1941 gg.)* [The system of Glavlit in the Urals in the interwar period (1920–1941)]. Perm, 2011, 334 p. (in Russ.)
- Dianov S. A. *Ural' skaya cenzura v licah* [Persons of the Ural censorship]. Perm, 2011, 201 p. (in Russ.)
- Figurnova O. *Chetvertaya zhizn' Kuprina* [predislovie]; *Primechaniya* [The Fourth Life of Kuprin [preface]; Notes]. In: Kuprin A. I. *Golos ottuda: 1919–1934: Rasskazy. Ocherki. Vospominaniya. Fel' etony. Stat' i. Lit. portr. Nekrologi. Zametki* [Voice from there: 1919–1934: Stories. Essays. Memories. Feuilletons. Articles. Literary portraits. Obituaries. Notes]. Moscow, 1999, p. 5–17. (in Russ.)
- Frezinskiy B. Ya. *Ob Il'e Ehrenburge (Knigi, lyudi, strany)* [About Ilya Ehrenburg (Books, people, countries)]. Moscow, 2013, 904 p. (in Russ.)
- Kasanova P. *Mirovaya respublika literatury* [The World Republic of Letters / La République mondiale des Lettres]. Moscow, 2003, 416 p. (in Russ.)
- Katsis L. F. *Vladimir Mayakovsky. Poet v intellektualnom kontekste epokhi* [Vladimir Mayakovsky: Poet in the intellectual context of the era]. Moscow, 2000, 830 p. (in Russ.)
- Klark K. *Moskva, chetvertyy Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoy kultury (1931–1941)* [Moscow, the fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism, and the evolution of Soviet culture, 1931–1941]. Moscow, 2018. (in Russ.)
- Kotova M. *Posleslovie* [Afterword]. In: Forsh O. D. *Sumasshedshiy korabl'* [The mad ship]. Moscow, 2011, p. 299–316. (in Russ.)
- Kozlov V. P. *Obschchaya tragediya narodov SSSR* [The shared tragedy of the peoples of the USSR]. In: *Golod v SSSR, 1929–1934* [Hunger in the USSR, 1929–1934]. In 3 vols. Moscow, 2011, vol. 1: 1929 – July 1932, pt. 1, p. 5–9. (in Russ.)
- Pilshchikov I., Ustinov A. *Viktor Shklovsky, Roman Jakobson i sozdanie «pervoy teorii syuzhetoslozheniya»* [Viktor Shklovsky, Roman Jakobson and the Creation of the “First Theory of Plot Structuring”]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2018, no. 2, p. 5–24. (in Russ.)
- Popov V., Frezinskiy B. *Ilya Ehrenburg v 1932–1935 gody: Hronika zhizni i tvorchestva* [Ilya Ehrenburg in the years 1932–1935: Chronicle of life and work]. In 3 vols. St. Petersburg, 2001, vol. 3, 337 p. (in Russ.)
- Rafikov M. S. *Musa Dzhhalil' i Ural*. In: «Umiraya, ne umret geroy...» *Musa Dzhhalil' i sovremennost'* [“Dying, the hero will not die...” Musa Jalil and modernity]. Materials of the interuniversity scientific and practical conference “Dzhhalil' reading”. Ed. by R. L. Iskhakov, E. K. Sozina. Ekaterinburg, Ural State Uni. Publ., 2006, p. 52–54. (in Russ.)
- Shmakov A. A. *Louis Aragon*. In: *Pisma iz Lozanny: Literaturovedcheskie ocherki* [Letters from Lausanne: Literary Essays]. Scientific ed. B. T. Utkin, crit. L. Vinogradova. Chelyabinsk, 1980, p. 50–66. (in Russ.)
- Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. 3rd ed. revised and supplemented. Paris, Moscow, YMKA-Press, Russkiy put', 1996. (in Russ.)
- Wulf V. Ya., Chebotar S. *Elza Triolet. Kommunisticheskaya muza* [Elza Triolet. Communist muse]. In: Wulf V. Ya., Chebotar S. *Velikiye zhenshchiny XX veka* [Great women of the 20th century]. Moscow, Yauza: Eksmo, 2010, p. 392–406. (in Russ.)

Sources

- Adamovich G. V. O literature v emigratsii. Kritika russkogo zarubezh' ya [Criticism of the Russian diaspora]. In 2 parts. Comp., preambles, footnotes by O. A. Korostelev, N. G. Melnikov. Moscow, Olymp, AST, 2002, pt. 2, p. 42–52. (in Russ.)
- Aragon L. Krizis burzhuaznoy Frantsii. SSSR – nashe otechestvo. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1932, no. 34 (July 29), p. 2. (in Russ.)
- Barbusse H. Ya obvinyayu!.. *Izvestiya* [News], 1932, no. 199 (July 20), p. 3. (in Russ.)
- Barbusse H. Ya obvinyayu [I blame]. Moscow, Partizdat, 1932, 32 p. (in Russ.)
- Bunin I. Inoniya i Kitez. In: Bunin I. Okayannyye dni. Neizvestnyy Bunin [Cursed days. Unknown Bunin]. Comp., foreword by O. Mikhaylov. Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, p. 138–152. (in Russ.)
- Dymshits Al. Trudnaya lyubov'. Vospominaniya ob Il'ye Erenburge [Memoirs about Ilya Ehrenburg]. Comp. by G. Belaya, L. Lazarev. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1975, p. 54–62. (in Russ.)
- Ehrenburg I. V Parizhe nachinayetsya slushaniye dela ob ubiystve Dumera [Paris begins the hearing of the case of the murder of Doumer]. *Izvestiya* [News], 1932, no. 205 (July 26), p. 1. (in Russ.)
- Ehrenburg I. Kto yego vdokhnovlyal i pestoval [Who inspired and fostered him]. *Izvestiya* [News], 1932, no. 206 (July 27), p. 2. (in Russ.)
- Ehrenburg I. «Sumasshedshiy» belogvardeytsy i «tainstvennyye chekisty» [“Crazy” White Guards and “mysterious security officers”]. *Izvestiya* [News], 1932, no. 207 (July 28), p. 2. (in Russ.)
- Ehrenburg I. A gde tysyachi Gorgulovykh? [And where are the thousands of Gorgulovs?]. *Izvestiya* [News], 1932, no. 208 (July 29), p. 2. (in Russ.)
- Ehrenburg I. Mysl' v otstavke [Retired thought]. *Izvestiya* [News], 1932, no. 346 (Dec 16), p. 2. (in Russ.)
- Ehrenburg I. Ispaniya [Spain]. Moscow, Federation, 1932, 192 p. (in Russ.)
- Ehrenburg I. Zatyanutshayasya razvyazka [Long Drawn out denouement]. Moscow, Sovetskii Pisatel, 1934, 288 p. (in Russ.)
- Ehrenburg I. Den' vtoroy [The Second Day]. In: Ehrenburg I. Sobr. Soch. [Collect. Works]. In 9 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1964, vol. 3, p. 151–360. (in Russ.)
- Ehrenburg I. Pis'ma, 1908–1967 [Letters, 1908–1967]. In 2 vols. Prepared by B. Frezinsky. Moscow, Agraf, 2004, vol. 1. Pis'ma 1908–1930 [Letters of 1908–1930], 621 p.; vol. 2. Pis'ma 1931–1967 [Letters of 1931–1967], 635 p. (in Russ.)
- Izvestiya* [News], 1932, no. 352 (Dec. 22). (in Russ.)
- Ilya Ehrenburg v Sverdlovsk [Ilya Ehrenburg in Sverdlovsk]. *Ural'skiy rabochiy* [Ural worker], 1932, no. 234 (Oct. 17), p. 4. (in Russ.)
- K priyезdu pisatelya Pasternaka v Sverdlovsk [By the arrival of the writer Pasternak in Sverdlovsk]. *Na smenu!* [To be succeeded by!] 1932, no. 115 (June 12), p. 4. (in Russ.)
- Khodasevich V. Literatura v izgnanii [Literature in exile] Kritika russkogo zarubezh' ya [Criticism of the Russian diaspora]. In 2 parts. Comp., preambles, footnotes by O. A. Korostelev, N. G. Melnikov. Moscow, Olymp, AST, 2002, pt. 1, p. 339–352. (in Russ.)
- Khronika literaturnoy zhizni Sverdlovskaya i oblasti 1930-kh gg [Chronicle of the literary life of Sverdlovsk and the region of the 1930s]. In: Khronika literaturnoy zhizni Urala XIV – pervoy poloviny XX veka (Sverdlovskaya, Chelyabinskaya, Kurganskaya, Orenburgskaya oblasti) [Chronicle of the literary life of the Urals 14th – the first half of the 20th century (Sverdlovsk, Chelyabinsk, Kurgan, Orenburg region)]. Ekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii, 2009, 348 p. (in Russ.)
- Mkrtchyan L. Dve vstrechi. In: Vospominaniya ob Il'ye Erenburge [Memoirs about Ilya Ehrenburg]. Comp. by G. Belaya, L. Lazarev. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1975, p. 237–246. (in Russ.)
- Opustoshennost' burzhuaznoy literatury. Interes k proizvedeniyam sovetskikh pisateley vozrastayet. Beseda s I. Erenburgom [The desolation of bourgeois literature. Interest in the works of Soviet writers is increasing. Conversation with I. Ehrenburg]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1932, no. 39 (Aug. 28), p. 3. (in Russ.)

Ottwalt E. Roman fakta (Otvét Georgu Lukachu). [A Documentary Novel (Answer to Gyorgy Lukacs)]. *Internatsional' naya literatura* [*International literature*], 1933, no. 1, p. 105–109. (in Russ.)

Pasternak Z. N. Vospominaniya [Memories]. In: Pasternak B. L. Vtoroye rozhdeniye [The Second Birth]. Moscow, Dom-muzey Borisa Pasternaka, 2010, p. 235–426. (in Russ.)

Priyezd Il'ji Ehrenburga [The arrival of Ilya Ehrenburg]. *Sverdlovskiy rabochiy* [*Sverdlovsk worker*], 1932, no. 13 (Oct. 16), p. 3. (in Russ.)

Priyezd krupneyshikh pisateley, khudozhnikov, kompozitorov na Ural [Arrival of the largest writers, artists, composers to the Urals]. *Na smenu!* [*To be succeeded by!*], 1932, no. 115 (June 12), p. 4. (in Russ.)

Slonim M. L. Zametki ob emigrantskoy literature [Notes on the emigre literature]. In: *Kritika russkogo zarubezh' ya* [Criticism of the Russian diaspora]. In 2 parts. Comp., preambles, footnotes by O. A. Korostelev, N. G. Melnikov. Moscow, Olymp, AST, 2002, pt. 2, p. 115–126. (in Russ.)

Sobolev VI. Pora platit' ! [It' s time to pay!]. *Literaturnaya gazeta* [*Literary newspaper*], 1932, no. 41 (Sept. 11), p. 3. (in Russ.)

Sotsialisticheskomu Uralu bol' shuyu literaturu! [Lets provide Socialist Ural with a great literature!]. *Literaturnaya gazeta* [*Literary newspaper*], 1932, no. 41 (Sept. 11), p. 1. (in Russ.)

Stat' na uroven' idey epokhi. Vystupleniye na pervom vsesoyuznom rasshirennom plenumе Soyuzа Sovetskikh pisateley rukovoditelyа Ural' skoy delegatsii M. Brodskogo [Become at the level of ideas of the era. The Head of the Ural Delegation M. Brodsky' Speech at the First All-Union Extended Plenum of the Union of Soviet Writers] *Za Magnitostroy literatury* [*For Magnetostroy of Literature*], 1932, no. 16 (Nov. 15), p. 2. (in Russ.)

«Sushchestvovan' ya tkan' skvoznaya...»: Pasternak B. L. Perepiska s Yevgeniyey Pasternak (dopolnennaya pis' mami k Yevgeniyu Borisovichu Pasternaku i yego vospominaniyami) [“The fabric of existence...”: Pasternak B. L. Correspondence with Eugenia Pasternak (supplemented by letters to Eugene Borisovich Pasternak and his memories)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1998, 591 p.

Vstrechi s Il' yey Ehrenburgom [Meetings with Ilya Ehrenburg]. *Literaturnaya gazeta* [*Literary newspaper*], 1935, no. 62 (Nov. 11), p. 6. (in Russ.)

Ye. P. Pyat' desyat zapisok Erenburgu. Na chitatel' skoy konferentsii v parke kul' tury i otdykha [Fifty notes to Ehrenburg. At the reader' s conference in the recreation park]. *Literaturnaya gazeta* [*Literary newspaper*], 1934, no. 82 (June 28), p. 4. (in Russ.)

Zaytsev B. K. Drugaya Vera [The Other Vera]. In: Zaytsev B. K. *Sobr. soch.* [Collected papers]. In 5 vols. Moscow, Russkaya kniga, 1999, vol. 6 (extra): My contemporaries: Memoirs. Portraits. Memoir stories, p. 393–468. (in Russ.)

Archives

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (Ekaterinburg) [The Documentation Centre of the Social Institutions of Sverdlovsk Region]. Stock 4 (Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU, 1917–1991); Stock 161 (Sverdlovsk City Committee of the CPSU, 1932–1991).

Natalia V. Veselkova – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (51 Lenin Ave., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation, vesselkova@yandex.ru)